

Кумаран Велутиллаи

Люди зеленого царства

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Кумаран Велупиллаи

Люди зеленого царства

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

C. V. Velupillai
BORN TO LABOUR
C o l o m b o, 1970

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ,
А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор
Ю. Н. МАСЛОВ

Сокращенный перевод с английского
И. В. СУЧКОВА

Велупиллаи К.

В27. Люди зеленого царства. Пер. с англ. и примеч.
И. В. Сучкова. Послесл. Ю. Н. Маслова. М.: Глав-
ная редакция восточной литературы издательства
«Наука», 1984.

104 с. («Рассказы о странах Востока»).

Книга очерков и новелл известного журналиста и писателя Шри
Ланки посвящена жизни индийских тамиллов — основной рабочей силы
на чайных плантациях страны. Подробно описаны своеобразные обы-
чай и быт рабочих, их культурные традиции и мировоззрение.

В 1905020000-150
013(02)-84 100-84

ББК 84.35(5 Шри)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ

От предгорий центрального массива до горных районов провинции Ува¹ раскинулся край чайных плантаций. Среди зеленых холмов, вдали от городов и деревень, изолированные от всего на свете, живут сотни тысяч плантационных рабочих. Занятые повседневным трудом в этом вечнозеленом царстве — то обрезают сухие ветви чайных кустов, то собирают зеленые листочки, — они совершенно не имеют связи с внешним миром.

Несмотря на все трудности, они ведут жизнь, полную своеобразия, живых красок и ритмов. Их душевные переживания, их радости и печали, сплетаясь в узор из света и тени, проявляются в их социальной, религиозной и культурной жизни. Их обычаи, в основе своей индуистские, непохожи на те, которые соблюдают их единоверцы, живущие в Джафне, Баттикалоа или Тринкомали². Эти обычаи различаются в зависимости от касты, к которой они принадлежат, или от деревни в Индии, откуда прибыли предки плантационных рабочих около 150 лет назад. Каждое событие на плантациях, будь то рождение ребенка, вдевание сережек девочкам, свадьба, похороны или поклонение богам, принимает форму твердо установленного ритуала.

Семья, состоящая из отца, матери, двоих маленьких детей и взрослой дочери, часто живет в одной комнате площадью 10 на 12 футов. На этом маленьком пространстве отмечаются и все торжественные события.

Рождение ребенка, как и повсюду, — особенно радостное событие. Когда во чреве матери дает о себе знать новая жизнь, это сразу же становится известно всей округе. Стоит женщинам собраться вместе у пруда, где полощут белье, или у водопроводной колонки, как начинаются пересуды.

— Эй, Мутхамма! — говорит Мина. — Я слышала, что Панджали не купается.

— Да, дело серьезное. Это ведь ее первый ребенок,— вступают другие.

Арджуна́н, муж Панджали, ходит небритым в знак нарушения нормальной супружеской жизни. Обычно так делают индусы на плантациях, когда их жены беременны или совершают паломничество в Катарагаму³. Мужчины тоже начинают обсуждать это и высказывают свое одобрение Арджуна́ну:

— Послушай, я узнал приятную новость. С какого времени сестра не купается?

— С октября,— отвечает Арджуна́н.— Всего лишь два месяца.

Опытные женщины наперебой дают советы Панджали: что можно есть, а чего нельзя, что можно делать, а что нет. Так, советуют не резать огурцы и тыкву, а также не шить платья и рубашки, чтобы у ребенка не было заячьей губы или уродливых ушей.

На третьем месяце Панджали надо бы сходить к акушерке, но она предпочитает посетить сначала храм Мариамман⁴. После этого каждую пятницу вечером она совершает омовение и в мокром платье несет в храм цветы и зажигает там светильник. И хотя рядом есть амбулатория с палатой для рожениц, Панджали и ее родственники решают по-другому. Панджали будет рожать дома.

Как только начинаются роды, Арджуна́н бежит в амбулаторию и приглашает акушерку. Она входит в дом Панджали и видит: комната полна женщин, родственников и даже детей. Она решительно всех выпроваживает.

Наконец за наспех сделанной ширмой появляется новая жизнь. Независимо от того, что из лекарств предпишет амбулатория или порекомендует акушерка, особый сорт аррака⁵ «старой выдержки» и снадобье, называемое «кайям», потихоньку дадут Панджали, чтобы она быстрее окрепла после родов.

Панджали и ее крошечное дитя лежат в углу, укрытые одеялом. Горшок с горящими углями согревает комнату. Время от времени зажигаются ароматические палочки⁶. Нож, кусок железа или старый ботинок лежит около порога, чтобы отгонять от дома злых духов. Как только родился ребенок, дядя со стороны отца вкапывает в землю у самого входа в дом несколько манговых веток, символизирующих рождение в доме новой жизни. Ведь листья манго — символ благополучия.

Арджуна, считающийся человеком небедным, приглашает родственников и друзей отметить это важное событие. Центральная фигура на торжествах — мужчина средних лет, которого все называют дядя Палани. Он — хранитель традиций и обычаев общины. По указаниям дяди Палани Арджуна обносит гостей сладостями, специально приготовленными для этого случая. Эта церемония называется «угощение саркараи».

Целую неделю соседи не будут проходить мимо дома Панджали, чтобы не взглянуть ребенка. Будет соблюдаться в некотором роде «неприкасаемость». Только родственникам можно находиться в доме, а посторонним нельзя даже входить туда, тем более есть и пить там. На седьмой день Панджали впервые оmyвает себя водой, настоянной на листьях ним и паватта, под покровом манговых веток. Затем эти ветки выбрасывают.

Имя ребенку дают не сразу. При регистрации местная амбулатория может записать любое имя, но отец дает имя новорожденному лишь по истечении семи дней. В результате за многими детьми записано по два имени. Правда, гордым владельцам двух имен пришлось столкнуться с некоторыми трудностями, когда встал вопрос об оформлении документов в связи с законом, предусматривавшим определение гражданства — ланкийского или индийского.

По истечении тридцати дней горшки, циновки, подушки и постельное белье выбрасывают, Арджуна заменяет их новыми. Стены комнаты белят, а пол промазывают коровьим навозом. И вновь собирается веселая компания родственников и друзей. В конце застолья, собравшись уже уходить, дядя Палани говорит ко всеобщему удовольствию:

— Теперь соседи будут заходить к вам за солью, готовьтесь принимать их.

Брат Панджали, Надесан, подвязывает к потолку веревки для колыбели (люлькой служит крепкое сари). Затем внезапно раздается крик малыша. Панджали осторожно берет ребенка, кладет в люльку и нежно убаюкивает. Она робким, трепетным голосом начинает напевать старинную колыбельную песню:

Ари-ра-ро-ра-ра-ро...
Когда я качаю твою колыбельку,
Занавески колышутся в такт.
Не пугайся, это твой добрый дядя
Закрывает тебе глазки во сне.

Пожилые дядюшки и старшие братья пользуются особым уважением на плантациях за их умение добродушно подшучивать над другими. Это особое искусство, дающее им большие преимущества при обсуждении всяких семейных дел. Дядя Палани, прославившийся именно этим, как-то вечером, встретив Арджуна, начинает такой разговор в своей обычной манере:

— Я слышал, ты собираешься пригласить меня на угощение? Давненько я не был у тебя в гостях.

Арджуна хорошо знает, что дядя Палани никогда не говорит наобум. Но у Арджуна сейчас материальные затруднения, и он не знает, как быть. Дядя Палани приходит ему на помощь:

— В наше время люди забыли многие обычаи. Иногда им надо напоминать об их обязанностях. Почему вы не прокалываете ушки у вашей девочки? По-моему, уже пора.

— О да, дядя. Девочке уже исполнилось шесть. Это надо сделать не откладывая. Вот только деньги получим.

— Нет, так не пойдет. Посоветуйся сначала с пандарамом⁷, а потом уж назначай день.

В этот вечер Арджуна и Панджали долго не ложатся спать: они обсуждают новую проблему. Поскольку такое событие происходит в семье впервые, Панджали стремятся отметить его с размахом, а Арджуна поскромнее. Наконец найден компромисс и назначена сумма — триста рупий на все расходы. Конечно, часть этих денег будет взята взаймы у старшего кангани⁸.

Пандарам называет 16 ноября как наиболее благоприятный день для такой церемонии. Арджуна начинает готовить приглашения, стремясь использовать для этого старые и новые формы. К родственникам и друзьям на плантациях он пошлет двоюродного брата, чтобы пригласить их по старому обычаю — вручив листики бетеля и кусочки ореха арековой пальмы. Живущим в отдаленных местах Арджуна разошлет почтовые открытки.

Задолго до церемонии начинается генеральная уборка. Стены жилья белят известкой, а затем на них желтой и красной краской наносят традиционные узоры. Перед входом в жилую комнату сооружается небольшой навес

из зеленых веток и папоротников. Повсюду висят манговые гирлянды, а в четырех углах комнаты стоят целые стволы бананов с висящими на них гроздьями плодов. Посреди комнаты делают небольшое возвышение из глины.

В торжественный день дхоби⁹ накладывает последние «мазки», украшая комнату разноцветными кусками материи. Он также стелет длинный кусок белой ткани на скамейки, где будут сидеть гости. Местный ювелир и цирюльник также приглашены на это торжество.

Барабанщики занимают места по одну сторону навеса. Горят ярко начищенные лампы позади возвышения. Медные подносы, на которых лежат бетель, орехи арековой пальмы, бананы, маленькие баночки с сандаловой пастой и киноварью, стоят здесь же наготове. Арджунан, его шурин Надесан и их братья встречают гостей у входа. Каждая семья приносит с собой в дар кулек риса, овощи и новую одежду для девочки. Именно дарителей записываются, чтобы в будущем, когда представится случай, Арджунан не забыл сделать щедрые ответные подношения.

Итак, начало церемонии приближается. Мужчины собрались в кружок и подшучивают над виновницей торжества. Ее двоюродные братишки и сестренки хихикают по углам. Дядя Палани наконец восстанавливает тишину и руководит дальнейшим ходом церемонии. Вот за это женщины и уважают дядю Палани. Да и как не уважать его, если за свою жизнь он был распорядителем не менее чем на сотне свадеб? Кроме того, за ним всегда последнее слово, когда дело касается соблюдения традиционных обычаев и ритуалов. Под оглушительный треск барабанов отец ведет маленькую Джанаки на возвышение. Панджали беспокоится и, шепча: «Осторожнее, пожалуйста», закрывает руками глаза.

— Не беспокойся, детка,— говорит дядя Палани,— твоя маленькая девочка не сахарная. Ведь не растает она, а? Сейчас, сейчас, не три глаза, все будет хорошо.

Затем он оборачивается к мужчинам:

— Теперь все смотрите сюда. Надесан, ты дядя по материнской линии, поэтому не веди себя, как жених. Посади девочку на возвышение. Затем возьми священный пепел, поверни голову девочки к востоку и начинай. Эй, пандарам, ты тоже приготовься.

Профессиональными движениями пандарам торже-

ственно раскладывает листики бетеля, кусочки ореха, бананы, камфору, ароматические палочки. Затем он разбивает кокосовые орехи и зажигает камфору на подносе со священным пеплом. Огонь возжигается в честь посвящения в «звенящие колокольчики». Тогда дядя Палани подает знак Надесану. Арджуна и его кузен как бы играючи зажимают легонько в своих руках Джанаки. Надесан берет головку девочки и быстрым движением прокалывает мочки ушек, затем вставляет специально сделанные сережки. Ювелир, который находится рядом, закрепляет их.

Джанаки кричит: «Ай, мама! Ай, мама!»

— Ах ты, маленький постреленок! Не кричи,— укоряет ее дядя Палани.— Эй вы, музыканты, что вы устались на девочку? Играйте громче!

Раздаются громкие звуки музыки, которая заглушает плач ребенка. И вот уже дети хлопают в ладоши, раздается их радостный смех. Панджали, улыбаясь сквозь слезы, берет маленькую Джанаки на руки.

— Арджуна, подавай кушанья,— командует дядя Палани.

На веранде вдоль стены разложены циновки. На них и на скамейках рассаживаются гости по степени родства. Некоторые мужчины покашливают, они уже успели хлебнуть спиртного.

Кто-то раздает банановые листья, которые заменяют тарелки, другой предлагает на подносе карри, затем рис. Пир уже продолжается больше часа. Пандарам, ювелир, дхоби и цирюльник получают за труды деньгами и продуктами.

После угощения кто-нибудь из родственников подходит к возвышению посмотреть, сколько собрано денег в соответствии с обычаем, называемым «мой». Нараспев дядя Палани объявляет, кто сколько внес денег, чтобы все присутствующие слышали. Если традиционный обряд не соблюсти в точности, кто-нибудь из обиженных гостей громко запротестует:

— Вы видели, друзья? Конечно, я не знатный человек и дядя Палани мог не заметить меня...

— Мой дорогой родственник,— говорит обаятельный дядя Палани,— я слежу очень внимательно за тем, чтобы никого не обидели. Может быть, и есть какая-то промашка на этих торжествах маленькой девочки — пожалуйста, не принимайте это близко к сердцу. В конце концов, здесь наше общее дело — ваше и мое.

И дядя Палани продолжает громко, чтобы загладить недоразумение:

— «Мои» в сумме одиннадцати рупий внес родственник Рамиа, родственник Рамиа!

Подарки называются в соответствии со степенью родства. Как обычно, имена дарителей записываются. Дядя Палани строго наблюдает за происходящим. Поднос с бетелем несколько раз передается по кругу. Далеко за полночь гости, наконец, расходятся по домам.

ДЖАНАКИ ПОДРОСЛА

Проникновение современных веяний в среду жителей чайных плантаций сильно беспокоит дядю Палани. «Проклятое кино вторглось в нашу жизнь и нарушило славные традиции и обычаи,— думает он.— Недалек тот день, когда наши дети и дети наших детей отупеют от этого и станут подобны скотам».

Бесцельно бредет он вдоль барачков и наконец заходит на веранду Арджунана: Его тепло приветствуют. Наученная матерью, Джанаки приносит поднос с бетелем, орехами арековой пальмы и известью¹⁰. Девочке только что исполнилось двенадцать лет. На ней зеленая юбка и красная кофточка. Приятный цвет лица, точеная фигурка, пучок темных волос и пара живых, озорных глаз — такова Джанаки. Дядя Палани берет ее за руку и говорит:

— А, моя маленькая шалуныя, как ты выросла, озорница!

Он щиплет ее за щечку и отстраняет от себя. «Девочки растут быстро, как трава»,— думает он вслух. И вдруг обрушивается на Арджунана и Панджали:

— Панджали, подойди сюда. Что с вами случилось, друзья? Что на вас напало? Ты же мать двоих детей!

Панджали стоит, прислонившись к косяку двери, и пальцем правой ноги почесывает левую.

— Твоя девочка уже выросла, а ты все еще одеваешь ее в цветное платье. Это позор для Арджунана и твоего брата!

Дядя Палани берет несколько листьев бетеля, встает и уходит. Тотчас же Джанаки заставляют надеть белое

сари с красной каймой — «камби салаи». Только такую одежду должна носить девочка в этом возрасте.

Однажды вечером, когда Панджали возвращается с плантации, она замечает женщин, толпящихся у ее окон. Она сразу поняла, что дядя Палани спас ее от худой молвы. Панджали проходит мимо толпящихся женщин, обнимает Джанаки и пускает одну-две слезинки с причитаниями:

— Я знала, что наступит день, когда мне придется расстаться с тобой, мое любимое дитя.

— Нельзя же держать дочь под крылышком всю жизнь. Наступит время, когда она должна будет покинуть родной дом. Ты ведь так же поступила со своей матерью, — ворчит старшая двоюродная сестра.

Для поддержания доброй традиции Панджали с беспокойством спрашивает:

— Кто из вас первой ее увидел?

— Я, — говорит Летчими, замужняя женщина, имеющая детей.

— Очень хорошо. В какое время?

— Что-то около часа.

— Где в то время была дочь?

— У твоего участка.

— Ты, наверное, сделала, что нужно?

— Конечно. Я покрыла ее голову, дала ей в руки зеленые листья и привела домой. Ее отец уже спрашивал пандарама, благоприятно ли время.

— И что же тот сказал?

— Очень подходящее время, Панджали.

После этого разговора Панджали посылает за женой дхоби, затем просит своих двоюродных сестер принести семь горшков воды для церемонии «обливания водой». Шурин Арджунана Надесан вместе со своими двоюродными братьями сооружает около веранды «зеленую хижину», в которой Джанаки должна будет находиться тридцать дней.

Церемония обливания водой короткая. Женщины становятся вокруг Джанаки и выливают на нее по очереди семь горшков воды под звуки тамтамов. После этой процедуры жена дхоби и мать ведут девочку в хижину, меняют ей платье, а затем зажигают плошку с кокосовым маслом — Джанаки должна обратиться с молитвой к богам.

В течение тридцати дней Джанаки приносят специально приготовленную пищу из дома дяди по материн-

ской линии и тети по отцовской. Постоянно ее снабжают сырыми яйцами, кунжутным маслом, особыми лепешками на масле и кали — тестообразной массой из рисовой муки.

Каждое утро к девочке приходит жена дхоби и меняет белье. На третий, девятый и пятнадцатый день дхоби и его жена проводят церемонию «дхоби коил». Они выводят Джанаки из хижины, ставят на кусок белой ткани и повязывают вокруг шеи конец шнура, а остальным шнуром, как вьющимся растением, обматывают тело девочки до самых ног. Так повторяется три раза. Все время с Джанаки в хижине спят тетушки, а на веранде всю ночь бодрствуют отец и двоюродный дедушка.

На тридцать первый день по обычаю проводится еще одна церемония — «садангу». Под руководством дяди Палани воздвигается большой навес (пандал) из пальмовых и банановых листьев, папоротника, лиан. Он украшается тканями и гирляндами из манговых веток и цветов. В центре сооружается глиняное возвышение, которое украшается изображениями масок театра «колам»¹¹, выполненными белой краской, и другими символами. Ярко горит медная лампа с пятью фитилями. Рядом в сосуде шафрановая вода с плавающим кокосовым орехом, скорлупа которого вся испещрена ярко-красными точками. Вокруг кокоса располагают три листика бетеля. Все это предназначено для церемонии «санти» — изгнания злых духов. По ритуалу барабанщики и другие музыканты размещаются снаружи. Когда появляются гости, музыканты встречают их на полпути и под музыку провожают к навесу. Это называется «встретить с почетом». Такая процедура повторяется каждый раз, как прибывает новый гость.

В нужный момент выступает дядя Палани:

— Где дорогие тетушки нашей Джанаки? — спрашивает он.

— Мы здесь, — отвечает старшая из них.

— Тогда начинайте, мы же будем пировать.

Дхоби и его жена начинают в хижине церемонию «дхоби коил». В соответствии с ритуалом шнур обвивают вокруг ног, тела и шеи Джанаки. Наконец она освобождается от «пут» и ее вводят в дом. На девушку надевают кофточку и шелковое сари, к волосам прикалывают цветок. На лоб наносится красной краской тика — на счастье. Золотые украшения на руках и в ушах

дополняют убранство. Тетушки и мать ведут Джанаки к возвышению. В то время как мужчины стоят на почтительном расстоянии, женщины берут инициативу в свои руки. Они сажают Джанаки на возвышение лицом к востоку. Одна из тетушек начинает церемонию санти, трехкратно вращая молодой кокосовый орех вокруг головы Джанаки.

— Пора,— говорит другая тетушка, обращаясь к мужчинам.

Дядя Палани адресуется к собравшимся:

— Почтенные, вы разрешаете надеть гирлянду на «новую женщину»?

— Да, да, конечно,— отвечают женщины.

— Эй, дядя по матери, Надесан, где твоя гирлянда?

На большом подносе Надесан выносит гирлянду из жасмина. Дядя Палани и Надесан берут ее и поднимают вверх, как бы прося благословения старших. Затем Надесан подходит к Джанаки, «новая женщина» берет гирлянду и гордо смотрит вокруг. Надесан спрашивает женщин:

— Можно, я начну церемонию? Я дядя Джанаки с материнской стороны.

— Давай, давай! Неужели мы не знаем, кто ты!

Общий смех.

— Все правильно, мой друг,— одобряет его дядя Палани.

Гирлянда живописно ложится на плечи Джанаки. Музыканты играют нечто торжественное. В строгом соответствии с родственными отношениями каждый надевает свою цветочную гирлянду на шею Джанаки. Наконец жена Надесана уводит ее в дом. Так кончается церемония садангу.

Начинается пиршество. Подается рис с различными овощами, баранина и цыплята. Напитков тоже достаточно. Сам Арджунан и его братья ухаживают за гостями, выносят из комнаты пальмовые листья после еды.

Около полуночи начинается церемония подношений — «мой». И дядя Палани энергично восклицает:

— Послушайте, дорогие родственники! Вы заметили, что мы второй раз собираемся в доме Арджунана?

Не успел дядя Палани закончить, как его прервал Надесан:

— Да, дядя Палани, мой зять хороший человек. Я знал это еще до того, как моя сестра вошла в этот

дом. Я передаю для племянницы «мой» — 101 рупию.

— Брат Надесан, я следую твоему примеру. Даю столько же для племянницы.

Церемония продолжается до самого рассвета.

ПРИЯТНЫЕ НОВОСТИ

Пять лет прошло с тех пор, как Джанаки достигла половой зрелости. Она выросла и стала жизнерадостной, цветущей девушкой. Арджуна не редко разговаривает с Джанаки. Но в этом нарочитом равнодушии — глубокое и постоянное взаимопонимание. Он уже думает о ней не иначе, как о будущей «маленькой маме». В свою очередь, Панджали обращается с ней как с сестрой, однако с гордостью называет ее дочерью. Руководствуясь старой поговоркой «вырасти девушку завернутой в пальмовые листья», Панджали всегда начеку. Целыми днями она не спускает с нее глаз, будь то дома или на улице.

Однажды вечером Надесан и его жена Амиртхам в сопровождении дяди Палани нагрянули к Арджуна. Хозяин понял значение такого визита и, едва увидев гостей, тотчас пошел им навстречу с приветствием:

— А, дядя Палани, шурина, сестра, заходите же, заходите! Панджали, твой брат пришел с невесткой и с ними дядя Палани.

Панджали выходит из комнаты и тоже приветствует гостей. Она приглашает Амиртхам в дом, в то время как мужчины остаются на веранде и ведут свой разговор. В подходящий момент дядя Палани начинает покашливать, давая этим понять, что хочет сообщить нечто очень важное. Супруги с почтением смотрят на него.

— Арджуна, твой племянник — сын Надесана — вырос и стал настоящим мужчиной. Мы не хотим, чтобы Алагесан долго ходил в холостяках. Его дядя по матери Раму хочет посватать его.

— И вот, мы пришли за невестой в ваш дом! — говорит Надесан.

— Да, брат, — подтверждает Амиртхам, присоединяясь к мужчинам на веранде. — Брат Раму просил меня об этом.

— Ах, ну что за церемонии! Считайте, что девушка уже ваша. Берите ее в свой дом хоть сегодня, — говорит Панджали.

— Не надо торопиться, Панджали,— возражает дядя Палани. — Они пришли, чтобы назвать день помолвки, а завтра, по их словам, благоприятный день.

— Пусть будет так, дядя Палани. Она пойдет туда, куда ей положено.

Угостившись бетелем, Надесан и Амиртхам уходят. Дядя Палани остается, чтобы дать несколько советов родителям:

— Арджуна, ты хорошо сказал. Все правильно. Завтра вечером в подходящее для такого случая время они придут. Приготовь угощение и купи красивое сари для Амиртхам. И скажи Джанаки, чтобы она поухаживала за ней. Слышишь, Панджали?

— Да, дядя.

— Между прочим, Надесан хочет часть свадебных расходов взять на себя,— говорит дядя Палани.— Что вы на это скажете?

— Нет, дядя, нет. Я не пошел бы на это, даже если б был нищим.

— А почему бы моему брату не взять на себя часть расходов на моего ребенка? — недовольно возражает Панджали.

— Эй, женщина,— вспыхивает Арджуна,— о каком доме ты больше печешься? О доме своего отца или о моем доме, доме моего отца? Твой отец не принял от нас ни одного цента. Я хорошо помню это, и он был прав.

— Дядя, когда заходит речь о помощи моих родственников, он всегда выходит из себя. Ну, а если мой брат хочет принять на себя часть расходов ради моей дочери...

— Нет, все надо делать с умом, как делали наши предки. Ты, Панджали, вошла в этот дом, чтобы охранять его очаг. Арджуна теперь может возместить то, что он взял когда-то из дома твоего отца.

Через некоторое время дядя Палани и Арджуна выходят вместе, чтобы сделать необходимые покупки на завтра.

На следующий день вечером дядя Палани приходит в дом Арджуна уже по особому приглашению. Здесь вместе с Арджунаном он ждет прибытия Надесана и других гостей. Панджали зажигает в комнате медную лампу, принесенную по этому случаю из дома отца. Джанаки, одетая в желтое сари и красную кофточку, старается держаться в стороне.

Перед самым заходом солнца Надесан, его жена Амиртхам, ее брат Раму и ребенок приходят в дом невесты, принося с собой два больших подноса с подношениями (парисам). Поскольку три человека — неблагоприятное сочетание, в компанию включен соседский ребенок. Парисам состоит из белого сари, называемого «кураи сали», пятисот листиков бетеля, орехов арековой пальмы, девяти кокосовых орехов и бананов. Раму приветствует дядю Палани первого, затем здоровается с другими. Панджали приглашает Амиртхам войти в дом, где их почти ослепляет ярко горящая лампа. Джанаки приветствует Амиртхам низким поклоном, касаясь руками ее ног.

После трапезы по указанию дяди Палани подношения раскладываются около лампы. На подносе зажигают благовония. Джанаки садится на полу перед лампой, скрестив ноги. Надесан мажет ее лоб священным пеплом и называет невестой Алагесана. Родители Джанаки стоят позади невесты, показывая этим, что они принимают предложение.

— Надесан, назови день и точное время для бракосочетания, — добавляет дядя Палани.

— Одиннадцатое января, единственный благоприятный день в последующие два месяца, — говорит Раму.

— А вы видели гороскоп — порутхам?

— Гороскоп очень хороший. Они предназначены друг для друга. Как дядя по материнской линии я сделал все, что нужно. Теперь вы как старшие руководите нами.

— Прекрасно. Итак, бракосочетание состоится одиннадцатого января. Все согласны?

— Да, да, согласны.

— Не забудьте послать пораньше приглашения. Есть еще время обдумать и другие дела. Вот только как быть с помещением? Уже три поколения справляют свадьбы в этих крысиных норах! Ладно, я постараюсь получить разрешение на сооружение большого навеса — пандала, — говорит дядя Палани.

— Дядя, пора расходиться, уже темно.

— Да, пора и по домам. Джанаки, подойди сюда, попрощайся со своими дядей и тетей. Скоро они станут тебе отцом и матерью.

Джанаки выносит поднос с шелковым сари, бетелем и орехами арековой пальмы. Она подходит с подносом к Амиртхам. Та принимает подарок и взамен в виде

благословения мажет лоб девушки священным пеплом.
— Желаю тебе иметь много детей. Надеюсь, ты принесешь счастье в свой дом.

Затем дядя Палани спрашивает женщин:

— Ну, а как насчет предсвадебных угощений?

— Пусть матери с обеих сторон предупредят родственников,— говорит Раму.

Затем все благоговейно стоят перед светильником и отправляются домой.

В предшествующие свадьбе дни свыше десяти угощений дают родственники для молодой четы. Алагесана и Джанаки приглашают тетки со стороны отца и другие близкие родственники.

Однажды после обеда, когда Арджуна и Панджали сидели на веранде, они увидели жениха, идущего в гости к кому-то из родственников. Панджали потихоньку сообщает об этом Джанаки:

— Не выходи на улицу. Кто-нибудь может увидеть.

В этот момент брат дяди Палани Мутхиа, известный на плантации балагур и шутник, запекает старинную народную песню:

Буйвол всегда черный,
Молодой, он блестит, как зеркало,
Со свежим клеймом на лбу,
В полуденные часы он бродит вокруг.

С обеих сторон улицы раздается смех. Арджуна притворяется, что ничего не слышит. А Панджали говорит вдогонку: «Бедный парень». Джанаки же помалкивает, как того требует обычай.

АЛАГЕСАН ЖЕНИТСЯ

В январе перед окнами комнаты Арджуна был сооружен красивый навес (пандал). Он очень большой, под ним может поместиться до сотни человек. В центре сооружения — земляное возвышение. Оно украшено масками «колам» и называется «манаваран», т. е. место для помолвленных. Справа от навеса посажены молоденькие деревца смоковницы и баньяна, а также бамбук. Они символизируют зарождение, долголетие и процветание. С левой стороны стоит пирамида из семи горшков, означающих жизненные силы. В первом гор-

шке — вода, дающая жизнь; во втором — рис, который поддерживает жизнь; в третьем — соль, стимулятор жизни; в четвертом — девять зерен разных бобовых, символизирующие девять планет. Остальные три оставлены пустыми для божественной триады: Шивы, Брахмы и Рудры.

Справа, как раз перед манавараи, находится жертвенный очаг. Неподалеку от него подставки с подносом, на котором лежат кокосовый орех и три листика бетеля. Рядом с подносом — медное блюдо старинной работы с шафрановой водой, где плавают разорванные листики бетеля. С другой стороны стоят пять медных зажженных ламп. Подносы с листиками бетеля, орехами арековой пальмы, зернами риса и банановыми листьями расставлены перед очагом, где жрец будет проводить свои утомительные церемонии. У входа в пандал лежит каменная плита.

Царит веселое оживление. Помимо звуков большой медной трубы и барабанной дробы, ревет громкоговорятель. Дядя Палани терпеть не может эту «орущую машину», так же как громкий смех и визгливое хихиканье молодежи.

Сегодня дядя Палани просто великолепен, что также соответствует традиции. На нем шелковое дхоти, повязанное красным поясом. Толстый слой сандаловой пасты воспроизводит рисунок трезубца на его волосатой груди. Ярко-красная тика резко выделяется на лбу. Его седоватые усы в форме велосипедного руля придают ему особую торжественность. Когда происходят такие события, дядя Палани и говорит по-особенному: звуки у него исходят откуда-то из глубины гортани. Поэтому каждый признает его авторитет.

Родственники обеих семей — и те, кто живет поблизости, и приезжающие издалека — идут непрерывным потоком. Женщины в шелковых сари с браслетами на руках и ногах, звенящими при каждом движении, и цветами, приколотыми к волосам, следуют гуськом за главами своих семей, неся подносы с подарками — «сир».

Избранной группе старших родственников из семьи невесты вменено в обязанность приветствовать гостей. Их встречают на полдороге музыкой и боем барабанов, затем с подобающей торжественностью препровождают под навес. Наконец посланный сообщает, что группа во главе с женихом приближается.

— Пойдемте приветствовать дорогих гостей, — говорит дядя Палани.

И вот барабанный бой и звуки флейт возвещают о прибытии жениха.

В то время как Арджуна и его родня остаются под навесом, часть стариков и молодых людей во главе с дядей Палани выходят навстречу жениху. Церемония, известная как «встреча гостей у входа», начинается. Приветствия не затягиваются надолго. Дядя Палани, полный достоинства, возглавляет обе группы. Надесан, его братья, двоюродные братья и их жены выступают впереди своих. Сразу вслед за ними идет главная фигура — жених Алагесан, молодой человек двадцати трех лет. Он высок ростом, хорошо сложен, с лицом бронзово-коричневого цвета, одет в шелковую рубашку, а на его широких плечах накидка. На правом запястье у него нить шафранового цвета, называемая «каппу», которую полагается повязывать жениху. Старший кузен Джанаки играет роль шафера Алагесана.

Как только группа Алагесана подходит к навесу, дядя Палани отдает первое распоряжение:

— Отведите жениха в храм Ганеши¹², разбейте там кокосовый орех и тотчас же возвращайтесь обратно.

Небольшая группа мужчин отправляется с Алагесаном в храм. Тем временем жрец зажигает в очаге девять веточек с разных деревьев. Уже наготове благовония и топленое масло, которые потребуются во время пения священных гимнов — мантр. Наконец Алагесан возвращается из храма.

— А теперь приведите невесту, — приказывает дядя Палани.

Амиртхам и Панджали незамедлительно проводят на возвышение Джанаки. Селлам, подружка невесты, помогает ей занять свое место. Подводят Алагесана, который садится рядом с невестой. Жрец читает молитвы сантхи. Потом, держа поднос с благовониями и камфорой, вращает его над головами жениха и невесты и читает мантры. После непродолжительного ритуала Алагесана и Джанаки уводят в комнату. За ними несут один из подносов.

Теперь дядя Палани готовится к последнему акту этой церемонии. Поклонившись гостям, он снимает покрывало с подноса, на котором находится брачное ожерелье — тхали. Ювелир, стоящий рядом с ним, торжественно берет тхали, кладет на подставку и молитвенно

склоняется в сторону востока. В этот момент возвращаются в шелковых одеждах Алагесан и Джанаки. На Джанаки сари, кофточка, драгоценные украшения и цветы, подаренные Надесаном. Алагесан и Джанаки садятся рядом на возвышении для продолжения ритуала — религиозных песнопений. Неожиданно начинает звучать музыка.

— Ну что, начнем церемонию посвящения? — спрашивает дядя Палани.

— Хорошо, — кивает пандарам.

По указанию дяди Палани вокруг талии Джанаки повязывают длинный оранжевый шнур. Его концы передают Арджуану. С концами шнура в руках Арджуанан подходит к Надесану. Надесан поворачивается к нему, раскрыв ладони. Жрец спрашивает имена их отцов.

— Кандан и Муруган, — отвечают они.

Затем жрец предлагает отцу невесты Арджуану повторить следующие слова: «Я, Арджуанан, сын Кандана, перед лицом матери-земли и небес, перед солнцем и луной, перед всеми богами свидетельствую, что я отдаю свою дочь Джанаки в дом моего шурина Надесана, сына Муругана, как жену его сына Алагесана».

Затем Арджуанан кладет оба конца шнура в открытые ладони Надесана и трижды кропит его святой водой. Надесан помещает шнур рядом с Алагесаном. Все это означает, что Джанаки принимается Алагесаном в жены.

Далее жрец передает поднос с брачным ожерельем Раму, дяде жениха по материнской линии, для одобрения. Он благословляет его и передает дяде Палани, который, в свою очередь, передает по кругу старейшинам семей для благословения. Затем поднос с тхали возвращается Арджуану, Надесану и их женам, которые тоже благословляют его.

— А теперь тхали нужно повязать, — дает указание жрец.

— Завяжите хорошенько три узла. Да благословят вас боги! — говорит дядя Палани. Он поворачивается лицом к востоку. Обе его руки подняты над головой и молитвенно сложены. Алагесан берет тхали, повязывает вокруг шеи Джанаки и закрепляет три узла. Джанаки сидит, скромно опустив голову.

— Дядья и другие старшие родственники, украсьте гирляндами молодую пару, — провозглашает дядя Палани.

Пожилые родственники приближаются к возвышению. Они берут с подноса горсть зерен риса, смешанного с шафраном, прикасаются к головам жениха и невесты, их плечам и коленям и затем высыпают рис им на колени. После этого дядя и другие близкие родственники украшают молодоженов гирляндами цветов. Алагесан и Джанаки встают и почтительно кланяются присутствующим. Дядя Палани ведет их ко входу в пандал, где лежит каменная плита.

— Джанаки, поставь свою левую ногу на камень,— дает указание дядя Палани.— Запомни, это — Ахаликай, несчастная жена мудреца Гаутамы, силой заклятия превращенная в скалу.

Затем он указывает на яркую звезду на небе.

— Теперь взгляни на эту звезду. Это — Арунтхатхи¹³, самая постоянная звезда, украшающая небосклон. Запомни также и это.

Новобрачные возвращаются под навес, чтобы наконец прервать свой пост. Шафер жениха и подружка невесты отгораживают занавеской молодую чету от остальных присутствующих. Алагесан делает неловкие попытки угостить Джанаки фруктами и молоком. Джанаки слишком застенчива, чтобы отвечать тем же.

— Твой парень не ел целый день. Накорми его лучше, дорогая,— поддразнивает дядя Мутхиа Джанаки.

В конце церемонии жену и мужа заставляют играть в шуточные игры, например, надо достать щипцы для орехов из горшка с узким горлышком или же попытаться быстро схватить кокосовый орех. В заключение над головами молодых, чтобы защитить их от дурного глаза.

Все это завершается большим пиршеством и сбором «мон».

Алагесан живет в доме невесты три дня. На третий день начинается церемония обливания водой, известная как «танец с шафрановой водой». Невеста и жених вместе с кузенами разделяются на две группы, располагающиеся по обе стороны пандала, и обливают друг друга шафрановой водой. Все кузены участвуют в этой веселой свалке.

Навес разбирается и выбрасывается в реку. Джанаки с мужем направляются теперь в свой новый дом. От родителей Джанаки получает все необходимое из одеж-

ды, медные горшки, лампу, циновки, подушки, скребок для очистки кокосовых орехов и другую утварь.

Пожив три дня в своем доме, Джанаки и Алагесан наносят первый визит родителям Джанаки. Такой визит называют «марували» — путь обратно. Во время пребывания здесь шафер жениха и подружка невесты изо всех сил стараются заставить молодых разговаривать друг с другом.

После вкусного угощения и поклонения семейным богам они уходят. Этот путь назад к своему дому называется «тхани вали» — одинокий путь.

Дядя Палани ставит тяжелый поднос на голову Джанаки. Она понимает значение этого ритуала и обращается с просьбой:

— Пожалуйста, дядюшка, не делайте этого. Вы же знаете, что я лучше упаду на дороге, чем позову его на помощь!

— Так надо, дорогая, ничего не поделаешь.

— Мой младший брат,— причитает Панджали со слезами радости и горя одновременно, обращаясь к Алагесану,— ты теперь будешь вместо отца и матери для моей дочурки...

— Заботься о своей жене,— вторит ей Арджуна.

Молодая пара уходит. Алагесан идет далеко впереди Джанаки. Не прошли они еще и мили, как Джанаки устает от тяжелого груза. Она робко зовет:

— Подойди ко мне и возьми поднос. У меня голова раскалывается.

— Разве он такой тяжелый? — спрашивает Алагесан.

Джанаки не смотрит на него. Сказаны первые слова на долгом пути новобрачных по жизни.

КОГДА ПРИХОДИТ СМЕРТЬ

Однажды вечером, когда дядя Палани сидел в своем уголке, размышляя над последними событиями на плантации, он увидел фельдшера, выходящего из комнаты кангани Ситхамбарама. Лекарь был чем-то обеспокоен и опечален. Дядя Палани подошел к нему.

— Салам, дорай¹⁴. Пожалуйста, сделайте все, что в ваших силах, чтобы вылечить кангани Ситхамбарама,— просит дядя Палани.

— Все доктора на Цейлоне не помогут ему теперь, Палани.

— Пожалуйста, не говорите так, сэр. Он же в моем возрасте. Кроме того, у него имеется еще дочь на выданье.

— Знаю, Палани. Но как можно спасти человека в таком тяжелом положении?

Фельдшер идет дальше своей дорогой. Дядя Палани направляется в комнату кангани Ситхамбарам. Там он видит его дочь Синтхамани. Она сидит с распущенными волосами и горестно причитает:

— Отец, отец! Зачем ты покидаешь меня? Разве ты не знаешь, что ты все для меня в этом мире? Когда тебя не станет, кого же я назову «отец»? Что же мне тогда делать?

Дядя Палани, не в силах вынести эту сцену, входит в комнату. Кангани Ситхамбарам лежит на деревянной кровати. До самых плеч он накрыт одеялом. Под ним его тело почти незаметно. У него совсем измученный вид, лицо осунулось, в глазах несказанное изумление. Он дышит с трудом, дыхание вымученное, неровное... Его жена Ракки сидит на полу, стиснув голову руками. Она все время кашляет, сморкается и вытирает мокрое от слез лицо.

Дядя Палани знает, что приход смерти в дом непохож на длинный зимний сон. Смерть налетает внезапно, как удар грома. Он понимает, что родственники должны быть готовы к тому, чтобы испытать всю меру скорби и горя. Он отводит сына Ситхамбарам в стору и говорит:

— Арумугам, мне нечего сказать тебе. Ты сам все понимаешь.

— Да, дядя, я понимаю, хотя не могу смириться с этим. Мой отец ведь еще не стар.

— Никакой надежды нет. Ты слышишь меня, сын мой?

— Да, дядя.

— Будь мужественным. Мужчине не пристало плакать. Возьми себя в руки и покажи пример другим. Как старший сын ты должен исполнить свой последний долг. Разбей три кокосовых ореха и положи рядом с его головой. Поставь к изголовью медную лампу и зажги в ней три фитиля: один поярче, а другие слабым огнем. Пусть они горят всю ночь. А Мутхусвами пусть читает «викунтха амманай» (религиозный гимн, который читается у постели умирающего).

Вскоре начинается ритуал. Мутхусвами говорит на-

распев первые строки. Ракки бьет себя в грудь и кричит выбегая:

— Господин мой, господин! Почему ты лишил меня дара речи?

Она видит Арумугама на веранде с другими родственниками и обнимает его:

— Сын мой, сын мой! Что же с нашим отцом?

— Успокойся, мама. Не надо, чтобы он слышал твои рыдания. Не причиняй ему новые страдания в этот час.

— Если бы я могла плакать, я бы залила слезами всю плантацию, сын мой.

Дядя Палани выходит на цыпочках, смотрит сердито на Ракки:

— Несчастливая, помолчи хоть минуту. Через некоторое время ты сможешь выплакать хоть все свое сердце, мы не будем тебе мешать.

— Да, мой господа. Я несчастная женщина.

Слышится голос из комнаты:

— Дядя Палани, иди сюда скорей.

Палани входит и видит, что Ситхамбарам умирает:

— Каким прекрасным вы были человеком! В конце концов все мы последуем за вами. Арумугам, Синтхамани, Ракки! Подойдите поближе к отцу. Дайте ему несколько глотков молока, пока он еще жив.

Арумугам и Синтхамани пытаются дать умирающему немного молока. Кангани Ситхамбарам открывает глаза, смотрит на дочь. С большим трудом он берет ее руку и вкладывает в руку Арумугама. Ситхамбарам вдруг говорит:

— Ракки, дети мои! Да благословит вас бог! Брат Палани — мои дети...

Его голос прерывается, глаза закрываются, по щекам катятся слезы. Женщины садятся у изголовья умершего и начинают оплакивать его. По указанию дяди Палани самые близкие родственники закрывают глаза и рот кангани Ситхамбарам листьями бетеля с шафрановой пастой и привязывают их полоской белой материи. Посланец с непокрытой головой отправляется к родственникам и друзьям, чтобы сообщить печальную весть. Всю ночь напролет глухо гремят тамтамы. Один из выбивающих ритм на тамтаме поет «наваратна опари».

В доме, где есть покойник, не готовят пищу и не едят. Присутствующим подается только бетель. Дядя Палани с родственниками становится в комнате, чтобы

принять друзей и знакомых умершего. Они стоят все рядом с открытыми ладонями навстречу входящим. Посетители касаются их ладоней и молча кланяются. Женщины приносят для покойного покрывало, рис и масло на медном блюде. Они присоединяются к другим женщинам и тоже начинают причитать и плакать.

Дядя Палани дает указание близстоящим родственникам и дхоби соорудить носилки, чтобы отнести умершего к месту погребения. По существу, это паланкин, сделанный из бамбука и украшенный разноцветной бумагой и цветами. Тело Ситхамбарама обмывают, одевают в одежду, которую он надевал на свою свадьбу, готовя его таким образом в последний путь. Все женщины, выходя на улицу, бьют себя в грудь и нараспев читают «оппари». Эта часть погребальных причитаний имеет свое название.

— Во время прощания не должно быть плача. Женщины, перестаньте,— приказывает дядя Палани.— Арумугам, носи покойного со стороны головы, другие родственники, возьмите его за ноги и кладите в гроб. Прежде чем забивать гвоздями крышку, можно всем попрощаться с умершим.

Синтхамани падает на гроб и громко рыдает. Словно сошедшая с ума от горя, Ракки бросается рядом с ней, затем спрашивает сына:

— Зачем вы уносите вашего отца? Я не позволю.

Вмешивается дядя Палани:

— Мужчины, закрывайте крышку. Арумугам, уведи свою мать. Теперь поставьте гроб на носилки и давайте поторопимся.

Под суровые ритмы тамтамов тело кангани Ситхамбарама несут по направлению к участку, где расположено небольшое кладбище. Барабанщики возглавляют процессию. Затем идут мужчины и женщины — плакальщики. На всем пути они разбрасывают рис. Когда процессия достигает середины пути между домом и местом погребения, дядя Палани приказывает женщинам вернуться домой. Носилки поворачивают другой стороной, и процессия следует дальше; теперь в ней участвуют только мужчины. Когда подходят к могиле, носилки опускают. Дядя Палани стоит на краю могилы с восточной стороны и руководит похоронами:

— Теперь, родные умершего, выходите вперед. Быстрее. Снимите гроб с носилок. Попросите дхоби и цирюльника закончить их работу.

Гроб ставится на землю. Дхоби меняет одежду Ситхамбарама, цирюльник снимает украшения с покойного: серьги, кольца, браслет с правой руки, серебряный шнур с талии. Затем крышку гроба забивают и опускают гроб в могилу. Старший сын Арумугам бросает первым горсть земли, другие делают то же.

— Арумугам, ты должен побрить голову и принести на могилу глиняный горшок с водой,— подсказывает дядя Палани.

Через несколько минут приходит Арумугам, на его бритой голове стоит горшок с водой. Дядя Палани обводит его вокруг могилы. Затем в горшке пробивают небольшое отверстие, через которое вода выливается на могилу. Совершается три таких круга, и каждый раз в горшке пробивают новое отверстие.

После завершения этой короткой церемонии дхоби на перекрестке дорог расстилает кусок белой ткани. Мужчины садятся на него в соответствии со степенью родства. Дядя Палани объявляет:

— А теперь давайте побыстрее проведем «катта мои».

«Катта мои» — церемония сбора с каждого по 25 центов, чтобы заплатить цирюльнику, дхоби, барабанщикам и могильщикам. Взносы собраны в скорбном молчании, деньги выплачены, кому следует. Тотчас же все эти люди удаляются.

После небольшого омовения и смены одежды мужчины расходятся по домам. Арумугам идет домой в сопровождении дяди Палани. При входе в дом вернувшиеся с похорон получают по шепотке пепла и немного воды. На правой ладони каждый из них смешивает это и образовавшейся массой натирает себе голову. Затем все входят в дом. Зажженная лампа как бы приветствует их. Мать Арумугама Ракки и его сестра Синтхамани жалобно причитают...

На тридцатый день проводится «каруматхи». В соответствии с этим обычаем старая глиняная посуда выбрасывается и заменяется новой. Циновки и подушки также заменяются новыми. В доме делают полную уборку.

После захода солнца при свете лампы на веранде собираются родственники. Приходит дядя Палани и занимает самое почетное место:

— Родственники по линии отца и матери, займите свои места. Давайте начнем с помазания маслом.

Арумугам, в набедренной повязке, садится во главе ряда дядьев и кузин по материнской и отцовской линиям, старший родственник обходит их и натирает их головы маслом. В конце этой процедуры мужчины совершают омовение, меняют одежду и вновь собираются, чтобы увидеть подношения духу Ситхамбарама. Раздаются его вещи на память. Тут же предлагается рис и карри, рядом стоит бутылка аррака — на том самом месте, где он испустил последний вздох. Ракки, Синтхамани и Арумугам зажигают медную лампу и начинают моления.

Скромное угощение предлагается в 9 часов вечера. Подаются вино и цыплята. В завершение начинается церемония с тюрбаном, который повязывают Арумугаму, а затем остальным родственникам-мужчинам.

В течение года в этом доме не будет брачных церемоний, забав и веселья. Ни понгал¹⁵, ни дипавали¹⁶, ни другие храмовые праздники не войдут в этот дом. Однако дядя Палани полон надежды. Он понимает, что жизнь неотделима от смерти. После смерти жизнь снова пойдет своим чередом. Собравшись уходить, он вспоминает скорбные слова Ситхамани: «К кому же мне теперь обращаться в трудный час, мой отец?»

Ее милое, печальное лицо стоит перед его глазами. Минуту он колеблется, а потом мягким голосом говорит:

— Дитя мое, бог тебя защитит. Что я могу сказать тебе сейчас? Лишь одно — в следующем году в этом доме снова зажжется свет.

САГА О ЧАЕ

Это был короткий, но бурный период кофейного бума на Цейлоне. В 1825 г. впервые рабочая сила была завербована в Южной Индии по контрактам.

Однако дело с кофе потерпело неудачу, и на острове в широком масштабе стали создаваться чайные плантации. Для выращивания чая также нужна была постоянная рабочая сила. Сингалы как равнинных, так и горных районов не захотели заниматься этим, а потому снова потребовались рабочие из Индии.

Завербованные должны были совершать огромные переходы в сотни миль из различных частей Южной Индии, чтобы достичь побережья, откуда на примитивных

суденышках они доставлялись в порты Северного Цейлона. Затем они шли еще много миль по засушливой зоне, джунглям, болотам, пока не добирались до центральных горных районов, где создавались плантации.

Во время путешествия и после им как пионерам приходилось испытывать много лишений. Тогда и родилось у них множество песен. В песнях отразилось все: их работа, переживания и надежды, праздники и церемонии. Эти песни исполнялись в традиционном классическом стиле. В них видна чувствительность натуры индийских рабочих, которая в течение веков питалась древними легендами и мифами, пуранами¹⁷ и другими эпическими сказаниями. Эти корни оказались настолько сильными, что и в другой стране они дали побег, по-прежнему богатые как ритмами, так и воображением.

Среди этих песен есть такие, которые рассказывают о временах, когда развивалась чайная промышленность. Восприятие отдельных событий и всего в целом составляет целую сагу, полную жизни. Удивительно, что их поэтическое видение не было подвержено влиянию тенденций, которые создало общество, поделенное на господ и слуг.

Перед нами возникают яркие образы главного управляющего плантациями и его помощника, известных здесь как «перия дорай» и «синна дорай», старшего кангани¹⁸ и его агента — вербовщика. Все они, кажется, выступают из туманного прошлого, чтобы дать нам яркое представление о жизни, которая шла свыше ста лет назад на кофейных плантациях и позднее — в период лихорадочной активности по освоению чайных. Но из всех персонажей наиболее колоритной фигурой был вербовщик рабочей силы. Он совершал частые поездки на побережье, чтобы доставить новую партию рабочих. По натуре он, вероятно, был авантюрист, мелкий карьерист с чертами бродячего Дон Жуана. Его амурные дела и другие «подвиги» во время странствий дали пищу многим запоминающимся песням:

О Каруппае из Канди!
Моя Минатчи из Гамполы!
Любимая Рамае из Отха-кадан!
Вашу любовь я буду помнить всегда.

Эта песня дает некоторое представление о географии поездок вербовщика. В течение длительных поездок по острову он находил отдых и развлечения в хар-

чевнях, где делами заправляли упомянутые женщины, не пренебрегавшие и любовными утехами. В те дни Канди и Гампола были главными пунктами на пути движения иммигрантов, предоставлявшими им убежище и пищу после утомительного перехода из Курунегалы. Может быть, этот вербовщик работал на старшего кангани в районе Дикоя-Дамбулла.

В своей деятельности на побережье он прибегал к методам, которые на первый взгляд казались безобидными. В черном пиджаке, красном тюрбане и цветном дхоти он появлялся на деревенской площади или на рынке, где собирались женщины. Он рассказывал им о счастливой жизни в горах Канди, стране, где текут реки молока и меда, соблазнял их сказками о царстве мира и изобилия, где «кокосовые орехи и мальдивская рыба¹⁹ растут под чайными кустами». Вероятно, условия жизни в этом зеленом царстве в общих чертах были известны женщинам. Они пели:

Не рассказывай мне о Канди,
Не повторяй это название:
Хотя в этом царстве нет каст,
Но правит здесь злой кангани.

Цейлон был более известен в Южной Индии как Канди, потому что тамильская религиозная литература о Катарагаме и Шри Пада²⁰ упоминала Цейлон под названием Канди. Позже короли Танджора называли Канди лишь горную столицу Цейлона.

К большому огорчению вербовщика, среди женщин распространились и другие рассказы и песни:

Из всех кровопийц,
Сосущих нашу кровь каждый день,
Самый страшный — наш кангани,
Вы можете увидеть его в Канди.

Но все это отнюдь не мешало конечному его успеху. Путем уговоров, умасливания и комиссионных вознаграждений вербовщик набирал необходимое число мужчин, женщин и детей и доставлял их к портам Тхонди, Тхатапарай и Тутикорин. Людей сажали на грузовые суда и выходили в море, «если ветер был попутным». Однако условия на борту судна были невыносимы, а такие испытания, как морская болезнь, голод и различные инфекционные заболевания, бледнели перед ожидавшими их еще большими трудностями. Часто су-

да попадали в полосу муссонных ветров, и их тогда ждали большие превратности. Те несчастные создания, которые избегли опасностей на море, сходили на берег в Тхонда-манар, Песалаи, Бангале и Манаре на севере Цейлона и сочиняли горькие песни о своих невзгодах:

Налетает с севера шторм,
Дикий ветер завывает.
Волны моря бьются о борт.
Мы все вместе плывем на корабле.

Месяцами они добирались через болота и джунгли, приходили к Анурадхапуре, а затем шли в центральные горные районы. Места привалов и пункты первой помощи, разбросанные вдоль всего пути, не справлялись со своими задачами и не могли оказать вовремя помощь падавшим от усталости людям. Песни, в которых отражены все опасности таких путешествий, лишения и страдания, гибель тысяч людей на этом горестном пути, ушли вместе со старшим поколением. Однако сохранилось двестише из одного предания, где рассказывается о расчистке джунглей. Работы производились обязательно под охраной группы вооруженных людей и барабанщиков с тамтамами:

И дикий кабан, и леопард
Гибли в горящем лесу.

Но не только дикие животные и лес гибли в этом всеобщем уничтожении — большие потери несли и рабочие:

Там, где поднялись кофейные деревья,
Где стоят колышки у границы плантации,
Что у самой дороги,
Я схоронил любимого брата.

Эта жалобная песня типична как выражение страданий всех плантационных рабочих того времени. Вероятно, каждая семья должна была внести свою лепту в число жертв во время разбивки плантаций. Это происходило из-за тяжелого характера работ на первоначальной стадии, что влекло за собой мучения и жертвы. И когда человек попадал в беду при тех или иных обстоятельствах, будь то на поле или в горах, об этом несчастье долго там помнили и давали этому месту новое название, в котором было отражено происшествие. Вот почему сегодня плантации и поля в горной части

страны носят странные названия: «Поле мертвеца», «Лошадиная гора», «Скользкий камень».

Так кофейные деревья выростали, политые кровью и потом плантационных рабочих, и это как бы вкрапляло в ландшафт огненно-красные бусины...

Цветное сари облегает ее бедра,
А по сторонам — кофейные деревья.
Ее проворные пальцы собирают зерна,
Заполняя мешок до краев.

В тот период плантаторы на кофейных плантациях не стремились к особому комфорту и подчас даже спали в своем бунгало не раздеваясь, прямо в башмаках. Их поддерживали дух авантюризма и вдохновляющие идеи о «строителе нации», что помогало им жить в чужой стране, за тысячи миль от родных и близких:

Он пил чашку кофе,
Садился на коня
И за десять минут
Объезжал все участки.

Разведение кофе достигло своей кульминации к 1869 году. Кофе помог развитию таких отраслей экономики, как банковское и торговое дело, а также способствовал развитию транспорта и посреднических агентств. Небольшие города стали появляться в плантационных округах, принося с собой всевозможные блага жизни, ставшие доступными. Счастье начало улыбаться пионерам плантационного хозяйства. Благосостояние стало заметно в одежде хозяев и в вещах, которые их окружали:

Эти брюки и пиджак,
И рубашка, и жилет,
Золотое кольцо и серебряные часы
Ослепляют глаза!
Зреют плоды,
Жасмин благоухает,
И пурпуром раскрасили цветы
Сад надсмотрщика.

Но период процветания продолжался недолго. Грибковая болезнь, обнаруженная на кофейных плантациях в 1869 г., за десять лет распространилась на все плантации. Было уже поздно, когда вся серьезность положения дошла до сознания плантаторов. Беда разразилась как гром среди ясного неба. Множество европейских

компаний были потрясены до основания. Плантаторы, а также старшие кангани стали отправляться восвояси. Говорят, что многие исчезали ночью, бросив на произвол судьбы все свое имущество.

В тот переломный момент мало нашлось плантаторов, которые не захотели пасовать перед трудностями. Их не покидал луч надежды, и они напевали пророческую песенку:

Не горюй, моя любимая!
Ненадолго расстанемся,
Я вернусь обратно,
Когда настанут лучшие времена!

Да, плантатор и кангани, вербовщик и рабочие вновь появились на опустошенной земле и энергично взялись за дело. Они вновь начали готовить землю под плантации, отмечать колышками участки на склонах холмов — теперь под посадки чая. Надсмотрщики на плантациях подгоняли людей, которые под палящими лучами полуденного солнца гнули спины, чтобы выкопать ямы для посадки чайных кустов:

Бесчисленное множество выкопал ям
Для новых посадок чая,
От усталости спину не мог разогнуть.
Кричал надсмотрщик, подгоняя:
«Эй, эй, давай копай, пошевеливайся».

Кангани также не щадил людей, в обязанности которых входило вносить удобрения под зеленые насаждения:

Была бы работа в радость
На полях, где растет чайный куст,
Но ударил меня кангани
И заставил таскать мешки.

Чай вновь дал надежду людям на возрождение плантаций, где погибли кофейные деревья. Перспектива интенсивного выращивания чая открыла новые возможности для обогащения английским плантаторам и увеличила спрос на индийских рабочих.

И снова на сцене появился вербовщик. Хотя его деятельность теперь регулировалась законом, он легко преодолевал всякие скучные формальности и привозил большие партии рабочих-иммигрантов. Их распределяли по более мелким группам, во главе которых стояли

главы семей (впоследствии получившие название «младшие кангани»). Эти мелкие группы, в свою очередь, объединялись в более крупные во главе со старшим кангани. Он был для них всем: руководителем, поставщиком и другом, заимодавцем и лавочником. Он был единственным связующим звеном между рабочими и администрацией плантации. Таким образом, рабочий фактически оказывался пленником в структуре «кангани — дорай». Эти феодальные отношения особенно наглядно проявлялись в употреблении слова «наш», которое часто повторяется в песнях:

Из всех дорай на земле
Лишь наш дорай нам судья.
Наш дорай — человек суровый,
Прочь с дороги, он идет!

Все это указывает на систему феодальных отношений, существовавших на плантации. Из аналогичных песен видно также, что главные управляющие плантаций выполняли и судейские функции, до того как были созданы обычные суды. Вот почему рабочие не осмеливались идти по дороге, по которой «господин» совершал свой обход.

А вот еще один пример феодальных отношений:

О куст, о нежный лист!
Нашего дорай чайный лист,
Золотистый чайный лист!
Вот он идет, наш дорай.

Сборщицы чая были как бы частью чайного куста, дочерьми земли, на долю которых выпало одно — заботливо выращивать чай. И о некоторых из них, весьма искусных в своем деле, слагались легенды:

На Катта-дорай-патти
Две молоденькие девушки
Обходили рядышком
Чайные кусты,
Порхая, как воробушки.

Местные выражения и идиомы, использованные в этой песне, ясно показывают, что рабочие на Катта-дорай-патти (Пундалоя) пришли сюда из Мадур (Южная Индия). И упоминаемая долина Катмале была, вероятно, одной из первых, где начался сбор чая, и она вдохновила сборщиц чая на эту песню.

Тематика народного творчества была разнообразной: от возделывания чайных кустов и сбора зеленого чайного листа на плантациях до изготовления чая на фабриках. Наступило время, когда надо было отказаться от старых методов производства и построить новые фабрики, оснащенные механическим двигателем. И когда женщины пришли на работу в сортировочный цех, эта новость быстро разнеслась по всей округе:

Фабрика построена,
А в ней стоит двигатель.
О девушки, приходите,
Будем сортировать листья чая.

Для тех, кто не был допущен на фабрику, поэт в ярких красках изобразил происходящее на предприятии:

Сэр, двигатель стучит,
Медные колеса вращаются,
Приводные ремни бегут,
Стой тихо и смотри на эти чудеса.

Под контролем специалиста зеленый чайный лист вялился, скручивался, высушивался, просеивался, сортировался и упаковывался в ящики так, чтобы туда не попал влажный воздух. Наконец он был готов к отправке на международные рынки.

Шло время. Навьюченные быки и воловьи повозки проложили путь локомотиву. Нечеловеческими усилиями первопроходцев главная железнодорожная линия была построена. Как только первый поезд пропыхтел к Нану Ойя, транспортируя чай, это событие тотчас же нашло отражение в песне:

Шесть поездов, сотни окон
И пятьдесят шесть вагонов
Легко взбираются вверх,
На холмы Нелагири.

Жизнь плантационных рабочих в зеленом сумраке гор, несмотря на тяжелый труд, имела и свои светлые стороны. Плантатор построил клуб и скаковой круг, а старший кангани — храм для рабочих. Во время ежегодных праздников понгал и дипавали дораи отправлялся на охоту в леса Махавели и Элк Плейн в Нувара-Элии. Рамасвами и Минатчи (нарицательные имена рабочего и работницы) отмечали праздники песнями и танцами. Мужчины, женщины и дети в праздничном на-

строении собирались возле храмов или у дома старшего кангани, чтобы поздравить его. Одета в пестрое сари, с цветами в волосах, с красными от бетеля губами, под аккомпанемент ножных браслетов девушка с чайной плантации со своими подружками танцевала и пела мелодию «кумми»:

Спойте, девушки, кумми,
Я угощу вас пальмовым сахаром.
Благослови мою песнь, мать Сарасвати²¹,
И пребудь со мной, пока я пою!

После того, как отдана дань музе, девушка приветствовала кангани со всей почтительностью, необходимой в обращении к феодальным вождям. Она льстила ему, превозносила его, с притворной любезностью помогала дорай сесть на коня, наконец просила выплатить ей зарплату.

Смотрите, девушки, вот идет лошадь.
Лошадь идет покорно,
А на ней сидит
Наш господин, перия кангани.
Пожалуйста, попросите у него нашу зарплату.

По контрактной системе от имени рабочих всю зарплату получает старший кангани и раздает небольшие авансовые суммы главам семей. Остальные деньги он выплачивает лишь по праздничным дням. Работницы чайных плантаций, чтобы подкрепить свою просьбу, обычно не ссылаются на нехватку денег и на свое бедственное положение, а просто сравнивают те условия, в которых приходится работать ему и им:

Дождь хлещет бесконечным потоком,
Вода так и бежит с моей одежды.
А как блестят золотые серьги кангани!
Взгляните только на этого господина!

Этот намек на их мокрое платье и его золотые серьги показывает, что на плантациях существовал и мрачный юмор.

Вообще же это песни «о простых и грустных вещах», что и составляет жизнь рабочих:

Пусть в реке утонет мой контракт,
Пусть все зарастет травой.
Моя жизнь коротка, коротка,
И все, что есть в ней, это труд.

Так проходила их жизнь. В последующие годы рабочие плантаций вместе с родственниками в городских районах составили отдельную общину численностью до девяносто тысяч человек.

Лишь с введением избирательного права в районах плантаций рабочие начали постепенно перебираться из барачных построек. Когда тот или иной кандидат в члены парламента проезжал мимо плантации и призвал отдать свой голос за него, рабочие напевали:

Смотрите, явился, как ясный день,
Будто солнышко взошло из-за горы.

Странно, что «солнышко» тут же исчезало с небосклона, как только в горах появлялись предвестники социальных волнений.

Так это было. А теперь мужчины и женщины из этих районов образуют один из крупнейших отрядов рабочего класса Шри Ланки, хотя они не имеют гражданства этой страны.

Задолго до того как первый политический деятель появился в районе плантаций, народный поэт с горечью увидел будущее своего народа...

Я утратил свою любимую родину
И с ней мою пальмовую рощу.
А в этой далекой прославленной Канди
Я потерял свою мать и свой дом.

Так печально кончается один из этапов вековой борьбы за существование людей, которые отдали все свои силы этой земле.

А певец простого народа замолчал навсегда в конце 30-х годов.

НАРОДНЫЙ ТЕАТР

Каждый год в марте месяце, когда луна вступает в свою третью фазу, звуки тамтама слышатся во многих районах горного края. Это совершенно определенный ритм: двойные удары через четыре равных интервала, а в конце целый каскад быстрых ударов. Удары с паузами между ними и частая дробь сопровождают песню и танец «каман кутху» — древнее народное представление, еще сохраняющееся на плантациях.

ведены синим. Вокруг ее талии также повязан шнур.

Они стоят лицом друг к другу на расстоянии десяти футов. Один из старейших певцов поет по очереди за Мадана и Ратхи. Под звуки тамтама Мадан и Ратхи танцуют, держа друг друга за талию шнуром. Считается, что этот шнур должен удерживать их, если они впадут в неистовство. Время от времени перед Маданом держат зеркало, чтобы отвлечь его внимание от Ратхи.

В исполняемых в это время песнях рассказывается, как создатель всего Шива впал в длительное состояние транса и как от этого стали сжиматься земля и небеса. Мудрец Нарада и бог Индра, предвидя опасность для всего живого, призывают Мадана отвлечь беду. Получив этот отчаянный призыв, Мадан говорит своей любимой Ратхи, что он должен немедленно отправиться ко двору Индры:

Ты, прекраснейшая звезда моего неба,
Любимая Ратхи, дорогая супруга моей души!
Меня призывают чрезвычайно важные события,
Ко двору Индры я должен поспешить.
Каково значение этого послания,
Я узнаю и затем прилечу к тебе.
До тех пор, о невестка голуботелого бога,
Сохрани у себя как доказательство любви
Мой драгоценный образ,
Сделанный любящими руками.

Мадан — сын Кришны, а Ратхи — дочь Шивы. Считается, что Шива и Кришна соединены в одно — неделимое. Подобно им, Мадан и Ратхи слиты в одно целое любовью. Для них невозможна разлука. Вот почему, когда Мадан говорит Ратхи о своем путешествии ко двору Индры, она хочет отправиться вместе с ним и отклоняет его уговоры остаться одной с залогом его любви:

О сын того, у кого голубая кровь!
Наследник лунной короны!
О, любви пылающее пламя,
Которое озаряет вселенную,
Прославленный во всех мирах,
Ты, любимый мой, господин,
Ты говоришь мне о том,
Что твое драгоценное изображение
Успокоит мои страхи.
Если эти мои руки
Предложат душистый бетель
Твоему мудрому и прекрасному образу,

Сможет ли он прошептать мне
Хотя бы одно слово о твоей великой любви?

Эти песни с вопросами и ответами, богатые образами и намеками, сплетаются в гирлянды лирики.

Ратхи интуицией женщины понимает опасность миссии Мадана и просит его открыть причину, по которой его присутствие при дворе Индры так необходимо. Мадан вынужден сказать правду:

Тот, который сокрушил асуров²²
И даровал нам учение о сострадании,
Тот, который принял образ черепахи,
Чтобы взять на себя всю тяжесть тверди земной,
В опасности, и я должен помочь ему.
Разве ты сможешь удержать меня
Своими слезами и стенаниями?

Ратхи подобна дереву, вырванному с корнем, ее душа горит. Она оплакивает сначала своего отца, а затем своего Мадана. Ее печаль изливается в сладчайших песнях, окропленных горькими слезами. Наконец Мадан говорит ей:

— Чтобы спасти все живое на земле, разве жаль одной, хотя и дорогой жизни?

После смерти мы будем жить в семенах и цветах
В грядущей вечности.
Говори мне о своей любви, будь добра,
Ибо в твоей речи слышится музыка.
Она делает даже яркий полдень
Мягким и приятным, как серебристая луна;
О девушка с пронзающими глазами,
Твое доброе напутствие позволит мне уехать с миром.

Теперь Ратхи уверена, что ее Мадан больше не вернется. Она отчаянно хочет удержать его, но тщетно. Никакая любовь, как бы велика она ни была, не может удержать Мадана от выполнения долга. Он покидает Ратхи с печалью такой же вечной, как и его любовь.

Эта часть представления дается повсюду — у каждого дома, на каждой плантации в течение тридцати дней.

На тридцатый день начинается вторая часть. На том месте, где стоял каман, сооружается хижина из зеленого камыша, там сидит Шива, погруженный в размышления. Тихими шагами Мадан подходит к нему. У него в руках лук, сделанный из стебля сахарного тростника. Он выпускает из лука пять цветочных дротиков. Внезапно потревоженный Шива открывает свой средний

глаз. Вспышка огня. Мадан превращается в пепел. Шиву охватывает печаль.

Чтобы представление было более правдоподобным, из лука выпускается горящая стрела в пропитанную керосином кучу хвороста, где стоит Мадан. Как только огонь разгорается, Мадан исчезает, скрытый клубами дыма.

Последняя сцена танцевальной драмы короткая. Она показывает овдовевшую Ратхи, танцующую в одиночестве под таинственные звуки тамтама. Ее горестные воспоминания обращаются к ранним дням их любви, к их неслабеющему чувству. Для нее

Жизнь была словно величественное здание
из множества разноцветных стеклышек,
Окутанное белым сиянием вечности,
До тех пор пока смерть не разбила его на куски...

Эта финальная сцена убедительно раскрывает конфликт любви, раздираемой между жизнью и смертью. Но жизнь здесь становится бессмертной благодаря самой смерти, а любовь длится дольше, чем смерть, разрушающая все. И самопожертвование обрисовывается как высшая сила, поддерживающая жизнь и любовь.

ИХ БОГИ

«Не живите в краю, где нет храмов» — эта поговорка определяет отношение плантационных рабочих к богу. Они не мыслят себе жизни без храмов. В своей простой вере они поклоняются даже камням и деревьям. Призывные звуки раковин и звон храмового колокола для рабочего-тамилла равноценны божественному благословию его дома. Самые ранние его воспоминания тоже связаны с местами поклонения или храмом.

Как только жизнь зарождается в утробе матери, та отправляется к храму Мариамман под раскидистым деревом маргозы²³ и просит благосклонности богини, чтобы ребенок родился без физических и умственных недостатков. Она зажигает глиняные плошки в придорожном храме Шри Ганapatхи и просит защитить ее и ребенка от всевозможных напастей. Через месяц после рождения ребенка мать направляется с ним на поклонение в храм матери Марии. Она кладет ребенка к под-

ножию ее изображения и ей в дар возлагает полевые цветы. В благоприятные дни она купает ребенка, одевает в чистое платье и ведет в храм. Он видит, как с воздетыми вверх руками она молится перед изображением бога. И звон сейганди (толстая круглая тарелка из меди), и трубный звук раковины, и запах ароматических палочек, и курение благовоний — все это создает странное чувство безопасности у этого маленького существа. По пути домой она говорит ребенку, что благодаря милости Марии и бога Катхиркамама он появился в этом мире.

Так растут дети поколение за поколением, считая храм своим прибежищем, где они черпают силы, чтобы жить без болезней и горестей. Они почтительно-опасливо относятся к храму и не осмеливаются переступить его порог, когда не чувствуют своей телесной чистоты. Нередко в школе при храме ребенок учит первые буквы, знакомится с божественными гимнами. Храм служит ему и местом, где он ищет справедливости.

Потребность в божественном покровительстве как во время рождения ребенка, так и в дальнейшей жизни и работе выражалась в создании многочисленных храмов и мест поклонения на плантациях. Каждая семья имеет своего собственного бога. Наиболее популярные семейные боги — Нонди Аппачи, Айянар, Сангели Каруппу и Мадасвами. Эти боги в туманном прошлом были простыми смертными, известными своей доблестью, умом и высокими добродетелями. Может быть также, что они были главами семей, почитаемыми в течение долгого времени и возвысившимися затем до положения богов.

Богам отводят жилища вдали от нечистых мест: чаще всего около огорода или в тихом месте у реки. Обычно глава семьи совершает поклонение семейному боже-ству в храме. Это может быть просто зажжение камфоры или ладана по вторникам или пятницам, либо в «беспокойное время», когда дается какой-либо обет.

Главная функция божества состоит в том, чтобы обеспечить благосостояние семьи и защиту ее членов. Считается, что божества должны предупреждать семью о грозящих несчастьях, болезнях или кознях злых духов через посредство собак, кошек, коз, ворон и ящериц. По странному поведению этих созданий и таинственным звукам, которые они издают, старшие в семье определяют, что они предвещают, и предупреждают других.

Полагают, что боги-защитники, такие, как Муниан-

ди, Сендакатти и Мадасвами, должны охранять границы плантации, поэтому община может жить спокойно, не боясь нашествия злых духов и демонов. Богов поселяют на вершинах гор, в пещерах или на высоких деревьях, где вывешивают белые флажки. Мунианди и Сендакатти часто символически изображают в виде треугольного необработанного камня, а для Мадасвами воздвигают большой, высотой в четыре фута, глиняный столб, сужающийся кверху.

Полевые рабочие, особенно те, кто занят подрезкой чайных кустов, имеют своего собственного бога-покровителя. Им может быть Сендакатти, Мунианди или даже бог земледелия по имени Кавватху Свами. В начале или в конце сезона подрезки чайных кустов этому богу приносят в дар пищу. Женщины в полях также отдают дань поклонению богам. Перед началом подрезки кустов, в первый день работ проводится пуджа — обряд в честь Мариамман или Патхиниамман, на изображение которых в виде каменного конуса будет надета нитка черных бус и нанесено ярко-красное пятно.

От имени молодых сборщиц чая мать, «благословенная детьми», начинает пуджу с обычных подношений: бетель, кокосовый орех, банан и сырой рис, смешанный с жареным горохом и истолченным тростниковым сахаром. После процедуры с сожжением благовоний и камфоры приглашается кангани для того, чтобы раздать священный пепел, потому что по неписаному закону только мужчина может выполнить это.

Другой популярный бог на плантации — Ванатху Синнаппер (Святой Антоний), которому здесь поклоняются как католики, так и индусы. Его открытые часовни с простым крестом на глиняном алтаре часто встречаются на берегу реки, на отдаленном поле или на небольшом участке джунглей, где кончается плантация. На рождество и в другие праздничные дни свечи и благовония зажигаются в этих часовнях.

Ротхаи Муни — бог — защитник фабрики. На кофейных плантациях он был святым — покровителем водяного колеса, а теперь охраняет двигатель «Ростон». Считается, что он охраняет людей, работающих в цехах, у машинных валов и приводных ремней. Статуя Ротхаи Муни обычно выше статуй таких богов, как Мунианди и Сендакатти, и в честь Ротхаи Муни регулярно проводятся пуджи по вторникам и пятницам. Машинисты с фабрики независимо от их религии и национальности

часто исполняют обязанности пандарама на таких церемониях.

Вот стоит большой храм — разукрашенное сооружение, возвышающееся над жилищами рабочих. Он может быть посвящен Шри Ганапатхи — «первому богу», Сивану, Катхиресану или Мариамман. Но какому бы богу ни посвящен был храм, Ганеша и его сподвижники занимают в нем почетное место. В глубине же храма, в месте, называемом «муластханам», помещаются Патхиресан или Мариамман. Однако везде и всюду Парвати²⁴ занимает центральное место.

Пандарам, или пусари, как называют здесь жреца, присматривает за храмом. Регулярно два раза в день он совершает пуджу и в благоприятные дни проводит особые богослужения. Для таких пудж он готовит рис со специями, ароматный горошек и вместе с обычной камфорой и благовониями выставляет приношение богам. В конце пуджи все это, а также священный пепел, кокосовые орехи и бетель раздается верующим.

Раз в год на всех плантациях проводятся торжественные богослужения в больших храмах. В различных районах эти праздники называют по-разному. В Уве праздник называют «ади пусаи». Он отмечается в то же время, что и «эсала перахера»²⁵ и «ади вэл»²⁶ в Коломбо. Ввиду частых тогда эпидемий оспы в центральных районах праздник «ади вэл» ограничивался городом Коломбо, а «ади пусаи» выделился из основных празднеств и принял ту форму, в которой он отмечается теперь.

В Центральной провинции религиозный праздник известен как «тхирувилла», или «пусаи» (искаженное «пуджа»). Он отмечается весьма торжественно в течение недели. И регулярно в эти весенние дни производится уборка жилых помещений, часовен и храмов, а также по этому случаю покупаются красивые ткани и «хорошая пища».

Празднества по традиции начинаются с вывешивания флажка (коди атарам), церемонии «резания воды» (нир ветту), затем пуджи в храмах; и все завершается «карагам» — торжественным шествием от дома к дому. В течение «тхирувилла» семейные божества, боги-покровители, боги на полях и фабриках получают свою долю подношений.

Благодаря растущей активности политической жизни «большие боги» в разукрашенных храмах могут в

один из дней рухнуть. Но боги без крыши над головой всегда были ближе человеку и природе. Их многочисленные места поклонения дают возможность простым людям работать и жить с определенным сознанием физического и духовного благополучия, ибо люди на плантациях верят, что боги — их предки-покровители всегда придут им на помощь в трудный час.

ЖИЛИЩЕ И ИМЯ

На стене конференц-зала департамента труда в Коломбо висят в ряд три фотографии. На первой изображена глинобитная лачуга с соломенной крышей; на второй — сооружение из необработанного камня под крышей из жести и на третьей — нечто вроде коттеджа. Фотографии показывают прогресс в жилищном строительстве на плантациях, свидетельствуя о повышении материального уровня их жителей.

Сын старого Каруппана, Катхан, жил со своей семьей в глиняной хижине. Он носил дхоти значительно выше лодыжек и чуть ниже колен — в знак уважения к старшему кангани и дораи. Он не надевал рубашку из скромности и смирения, но на голове у него всегда был простенький тюрбан из ярда грубой белой материи с красной каймой.

Когда он обращался к старшему кангани или дораи, то снимал тюрбан и держал его под мышкой. Разве он не слышал, что дораи как-то дал оплеуху его деду да еще ударил по спине за то, что тот посмел разговаривать с ним слишком громко?

В конце концов, Катхан все еще был собственностью старшего кангани. Хотя суровая система «тунду»²⁷ была ликвидирована, но Катхан по-прежнему не имел своего мнения и не мог сказать слова или постоять за себя, если даже дело касалось непосредственно его. За него думал старший кангани, который знал, что лучше для рабочего. В своей лавчонке он продавал рабочему все необходимое для существования. По старой поговорке на плантациях, старший кангани брал с рабочего «две рупии за шерстяное одеяло и еще две рупии за то, что оно черного цвета». По словам дораи, «Катхан был хорошим кули». Он был вынослив, как вол, и силен, как бык. Он прекрасно работал на план-

тации, подрезая не менее 350 кустов за день. Когда дорай уезжал на охоту в леса Махавели, он брал с собой и Катхана. И если почему-либо дикий кабан уходил от ружья дорай, Катхан ловил его голыми руками.

Катхан обычно плакал, как ребенок, если доводилось уезжать на побережье хотя бы на короткое время — так он был привязан здесь ко всему, — ибо «один бог ведает, возвратится ли человек обратно, если отправится на побережье», говорили на плантации. Уезжая, он умолял своего начальника сбечь его жилище до возвращения.

Племянник Катхана, Рамасвами, ждал долго, прежде чем получил жилье в бараке из грубого камня. Ему милостиво предоставили большую по размерам комнату, чем обычная площадью девять на двенадцать футов. По вечерам Минатчи готовила ему рис и карри, а утром заваривала крепкий чай мелкого пылевидного сорта «даст». Хотя Рамасвами, как и многие другие, приобретал продукты в долг в лавке, он был очень привязан к старшему кангани. Первые плоды из его садика предназначались хозяину. Когда его дочь достигала половой зрелости или женился сын, они в первую очередь шли к «большому дому», чтобы выразить свое почтение.

Рамасвами одевался иначе, чем его старшие родственники. Он носил модную готовую рубашку, пару маленьких золотых сережек и тонкий серебряный браслет на левом запястье. В особых случаях он щеголял в черном пиджаке, прихватив с собой старый зонт.

Главным развлечением Рамасвами было ежегодное посещение представления «надагам», которое давала бродячая труппа. Со своими друзьями он тащился много миль, чтобы увидеть на сцене «настоящую женщину». В праздничные вечера он сам выступал в роли Харишчандры, Ковалана и других богов. Но и тогда старший кангани был главным божеством.

Когда старший кангани образовал свой собственный сангам — союз, который был противопоставлен профсоюзу, Рамасвами вошел в него. Если бы Рамасвами был настолько глуп и написал о своем бедственном положении индийскому агенту²⁸ в Канди, то его немедленно уволили бы с плантации.

В один из таких трудных моментов «свами»²⁹, как называли лидера союза Натаса Айера, обратил внимание старшего кангани и дорай на положение Рамасва-

ми. Он объяснил им, что Рамасвами не какой-то кули, а квалифицированный рабочий и, кроме того, член профсоюза. Свами обозвал старшего кангани «тигром» и эксплуататором и уговаривал Рамасвами протестовать против того, что расчет с рабочими производится по частям (в то время как ежемесячная плата полностью не выдается). Свами даже заставил Рамасвами одеться, как его начальник. Он надел на него белый тюрбан, черный пиджак, дал ему в руки зонт и тросточку и послал свергать своего бога. Так Рамасвами начал длительную, растянувшуюся на всю жизнь смертельную вражду со своим так называемым благодетелем. Но тогда он еще был «ни то ни се» и качался словно маятник между старшим кангани и лидером профсоюза.

Молодой племянник Рамасвами был обладателем двух имен: одного официально зарегистрированного и другого, которое он сам дал себе. Официально он был Нагамутху, но сам называл себя Нагалингам. Канакапилле назло называл его Наган. Это всегда напоминало Нагалингаму старую поговорку на плантациях — «кто пойдет замуж за кули», потому что кули не мог иметь даже благозвучного имени.

Нагалингам был выходец из другой эпохи, когда в ходу были домотканые одежды: он носил длинную рубашку «джиба», дхоти до самых пят, коротко стриг волосы и тайком надевал сандалии. Нагалингам предпочитал сигареты «Элефант» и имел кредит в лавке на покупку чая. С некоторым трудом он читал газеты, имевшиеся у местного цирюльника, и жадно впитывал все новости. После полочки ходил в кино. Он был большим поклонником певца Киттаппа Багавадара и часто подражал ему, чем восхищал своих черноглазых кузин, одетых в кофточки и сари из мягкого полотна, мода на которые проникла на плантации лет двадцать пять назад.

Когда для части рабочих стали строить маленькие домики типа коттеджей, Нагалингам был уже мужчиной в годах. У него был взрослый сын Патхманатхан, чьи манеры и поведение существенно отличались от отцовских. Патхманатхан носил на работу шорты цвета хаки и сменил шерстяное одеяло-накидку на цветной плащ из синтетической ткани. Направляясь в город, он надевал хорошо сшитую рубашку вместо старомодной джибы, дхоти из мягкой материи или красивый саронг (мужская юбка). Носовой платок, авторучка, наручные

часы и модные тогда сандалии придавали еще больше важности его персоне.

Он читал газеты и пару журналов, приобретенных в табачном киоске, регулярно слушал радио. По воскресеньям ходил на собрания, чтобы послушать своего «главного лидера». А по средам просматривал местные газеты, где помещались отчеты об этих собраниях. И громко хохотал, если обнаруживал неточности.

Правда, Патхманатхан тоже не ушел далеко «за стены» своей плантации. Тем не менее для своего возраста он сделал большие успехи на пути к рационализму. Он отошел от обычая жертвоприношений животных и ритуальных браков. У него было собственное мнение о домотканой рубашке, которую носил отец, о дораи, о рабочих и их лидерах. Он выступал против отвратительного жаргона, на котором к нему обращались начальники на фабрике и в поле; он отказался от традиционного почтительного приветствия всех важных персон на плантации. И даже высказал некоторые свои взгляды руководителю районного отделения профсоюза. Как-то Патхманатхан и его друзья нарисовали на картоне на плантации у подножия Шри Пада первый сатирический рисунок на политическую тему, открыто критикуя порядки на плантации и закон о гражданстве.

Это был действительно очень длинный путь — от глиняных лачуг к опрятным коттеджам и политической сатире.

ПЕРИЯ ДОРАИ

Перия дораи — тамильское выражение, обозначающее важную персону. Это — символ власти, сращение титула и социального положения; оно дано было управляющему плантацией и прижилось здесь. Словосочетание «перия дораи» значило так много в прошлые времена, что даже ассоциировалось с блеском и властью царского двора. Подобно раджам прошлого, перия дораи был сам законом и законодателем. Как одно его имя, так и его молчаливое присутствие внушали благоговение и трепет. Перия дораи жил и даже дышал иначе, говорил и ходил иначе, чем простые смертные. Он поддерживал традиции прежних перия дораи и вел такой образ жизни, с которым могли соперничать разве что будущие поколения — преемники его должности.

Его господство простиралось на отделения и подразделения во главе с помощниками и надсмотрщиками. Это был сложный механизм, состоящий из главной конторы, контор в отделениях, двух фабрик, электростанции, строительных и эксплуатационных служб, транспортных средств, амбулатории, яслей, лавок по продаже риса и т. д.,— всем этим руководили сведущие специалисты.

Где бы то ни было — на фабрике или на плантации,— все совершалось от его имени и считалось как бы подношением ему лично. На фабрике главный технолог и его помощники начинали свои указания словами: «Это работа для дорай. Делайте ее хорошо». А на полях кангани говорили женщинам: «Эй вы! Будьте внимательны. Работайте получше, это для дорай. Смотрите, иначе я вас прогоню». Во время подрезки чайных кустов разговор кангани становился более выразительным: «Сам дорай хочет, чтобы вы работали как следует. Слышите, ленивые твари?» Старший кангани и его помощники говорили по-разному, но смысл оставался тот же: «Дорай будет делать обход завтра. Если что-нибудь у тебя будет не так, ты за это здорово поплатишься».

У перия дорай были специальные дни в неделе, когда он объезжал плантации. В день посещения им того или иного участка старик, в обязанности которого входило расчищать дорожки, становился проворнее. Это служило указанием для всех кангани и надсмотрщиков. Когда перия дорай направлялся на обход плантаций, не требовалось никаких курьеров, чтобы оповестить всех. Об этом узнавали иначе. Сильный аромат самого лучшего табака из трубки перия дорай плыл волнами в утреннем воздухе. Немедленно кангани поднимал тревогу:

— Эй вы, люди, будьте осмотрительны и делайте хорошо свою работу.

Свора лоснящихся, рыжих с белым, собак с высунутыми красными языками бежала по дороге. Вскоре раздавался глухой стук копыт, затем показывался сам перия дорай, сидящий верхом. Шествие замыкал Саваримутху, рослый парень в старых бриджах и охотничьей куртке своего хозяина, в великолепном красном тюрбане.

Лошадь точно знала место, где ей нужно остановиться: будь это на участке, где собирают чайный лист, или же там, где подрезают кусты, главное, нужно было ме-

сто попросторнее, чтобы перия дораи мог окинуть взглядом плантацию и увидеть, как продвигается работа. Помощники, надсмотрщики или кангани тотчас же подбежали к нему:

— Доброе утро, сэр.

— Доброе, доброе, а как идет работа?

— Очень хорошо, сэр.

— Следите, чтобы собиралось положенное количество листа.

— Хорошо, сэр.

— Отправляйте все вовремя на фабрику.

— Хорошо, сэр.

В это время его собаки начали шнырять среди чайных кустов. Не питая никакого уважения к властям, здоревенный пес кангани исчез в кустах с поджатым хвостом. Заметивший это перия дораи не мог допустить, чтобы его благородные псы вступили в контакт с такой низкой породой. И поэтому начальственным басом, свойственным лишь перия дораи и отработанным за сотни лет господства его предками, позвал: «Ко мне, мои собачки!»

Это было сигналом ехать дальше, ибо высокое лицо не должно быть слишком недружелюбным или докучливым. Собаки быстро вернулись на дорогу, и лошадь стала поворачиваться. По плантации пронесся вздох облегчения. Однако именно в этот критический момент надсмотрщик или старший кангани пытались сказать несколько слов перия дораи, преследуя лишь одну цель — повысить себе цену в глазах рабочих.

Пара серо-голубых глаз из-под «двойной терраи» (широкополая фетровая шляпа) смотрела на подчиненного безжалостно пристальным взглядом. Это была пытка для существа, стоящего намного ниже перия дораи, который так ничего и не слышал и не сказал ни слова. Наконец он удалился на лошади со сворой собак на другой участок, оставляя позади совсем расстроенных надсмотрщиков или старшего кангани; эти «надоедливые людишки» смущенно вытирали пот со лба.

Перия дораи не ставил перед собой тяжелой задачи непременно посетить все участки. С его точки зрения, это было излишне. Он хорошо понимал, что весть о его посещении плантации произведет желаемое действие на всех, кто занят на других участках. Поэтому он направился прямо на фабрику намного раньше назначенного времени.

Никто на плантациях не осмеливался попадаться на пути перия дораи: дорога принадлежала его лошади. Он всегда ехал напрямик, как сэр Галахад в поисках Святого Грааля. Рабочие, возвращавшиеся с фабрик и полей, уступали ему дорогу, бросаясь прямо в придорожную канаву. Они на двести процентов были уверены, что хозяин не удостоит их взглядом. Да и сам перия дораи понимал, что на плантации, где занято свыше четырех тысяч рабочих, всякое может случиться. Какой-нибудь парень может прихватить с собой фунт чая с фабрики или пару досок из сарая. Но в общем это забота «надоедливых людишек», а перия дораи не интересуется подобными делами. Он всегда смотрит только прямо перед собой и не обращает внимания на разные мелочи. «Слепой глаз» и «глухое ухо» помогали возведению его персоны.

Машина перия дораи подъехала к фабрике как раз вовремя. Хотя главный технолог ожидал хозяина в «назначенное время», он все же поместил рабочего с «орлиным зрением» на четвертый этаж фабрики, который мелочи. «Слепой глаз» и «глухое ухо» помогали возвести о его приезде было сообщено главному технолог, и все пришло в движение.

Саваримутхи первым вышел из машины, тяжело дыша и отдуваясь. Затем вышел шофер. Подбежали собаки и лаем стали требовать от шофера, чтобы он впустил их в машину. Тут галопом выскочила на площадь перед фабрикой кобыла перия дораи, ржанием возвещая о своем прибытии. Саваримутхи побежал навстречу и взял лошадь под уздцы. Перия дораи прыгнул на землю и направился прямо в фабричную контору. Главный технолог был на месте в своих шортах цвета хаки, рубашке с засученными рукавами, занятый, как всегда, по горло:

— Доброе утро, сэр.

— Доброе утро. Как насчет проб?

— Готово, сэр.

На длинном столе стояли в два ряда чашечки, наполовину налитые драгоценным напитком всех оттенков, от оранжевого до золотого. Перия дораи внимательно рассматривал их критическим взглядом, затем поставил одну ногу на стул и с присущим ему изяществом правую руку протянул к чашкам. Главный технолог стоял позади него в ожидании.

Перия дораи начал пробовать чай... Маленький гло-

ток... еще глоток... Теперь медленнее... Пауза... Глоток, размеренный, продолжительный... Этот процесс прихлебывания чая продолжался около двадцати минут в полном молчании. Главного технолога бросило в дрожь, словно началось землетрясение. Наконец молчание было нарушено:

— Этот сорт не очень хорош. В чем здесь дело?

Технолог промямлил несколько слов, которые должны были объяснить причину недостаточно хорошего качества этого сорта чая. Перия дораи слушал его с полузакрытыми глазами.

— Ладно.

Главный технолог перестал дрожать.

— Где у вас вялится лист?

— Сэр, на третьем и четвертом этажах.

— Ну, пойдем посмотрим.

Через пять минут перия дораи был у третьего лотка.

— Технолог, давай своего помощника.

На расстоянии десяти футов в стороне стоял молодой человек лет двадцати пяти, одетый в шорты цвета хаки, с карандашом за правым ухом. Он сделал два шага вперед, как только главный технолог ушел. Перия дораи говорил с помощником отрывисто, как будто уши того не «созрели» для восприятия целых предложений:

— Помощник, полевой бинокль!

Это было исполнено молниеносно. Перия дораи смотрел в бинокль на дальние участки, которые он не собирался сегодня посетить. Таким образом он мог видеть своих помощников, надсмотрщиков и рабочих на различных участках плантации. Он был удовлетворен увиденным.

— Помощник!

Он отдал молодому человеку бинокль и пошел вниз по лестнице. Он никогда не оглядывался. Если он что-нибудь оставил, он знал — вещь все равно будет послана вдогонку.

Перия дораи сел в машину, ожидавшую его у подъезда. Она плавно поехала по покрытой белым гравием дороге мимо плантаций к большому бунгало в трех милях от фабрики. Сидя на переднем сидении в машине, он мог видеть все окружающее. На три мили вокруг от перия дораи исходили как бы лучи власти, которые ощущались всеми, кто трудился на склонах холмов и на равнинах.

Перия дорай жил вдали от «рабочих парней» — в полном уединении. Его бунгало возвышалось над жилищами простых смертных. Все вокруг, и даже земля, было уголком Англии. Стройные деревья стояли торжественно, как почетный караул, а ковер ухоженного газона мягко стлался вокруг бунгало. Купы высокого желтого бамбука стояли у теннисного корта. Садики из камней и папоротника вплотную примыкали к плавательному бассейну. Гирлянды цветущих лиан свисали со стен беседок, разнообразные орхидеи цвели в корзиночках под окнами. Все выглядело, как в прекрасном сне.

Жизнь обитателей этого многокомнатного особняка, называемого «большое бунгало», была окутана завесой тайны. Однако ходили слухи, что жена перия дорай очень заботится о нем. Было даже суеверное представление, что она не простая женщина, а наделена какой-то странной властью и может водить перия дорай «на шелковом шнурке вокруг бунгало». Кроме того, она умела твердо держать в руках домашнюю прислугу. Штат прислуги состоял из лакея, повара, личной прислуги, садовников, конюха, скотника, пса, слуги, покупавшего мясо на базаре, шофера и уборщика. Так под бдительным надзором жены перия дорай жизнь в доме текла спокойно и размеренно.

Супруга перия дорай специально отвела дни, когда он мог заниматься своими любимцами-собаками и другими приятными делами. Ему было разрешено видеться с детьми дважды в день, потрепать их по щечкам, посмотреть издали, как они катаются на пони или взлетают вверх на качелях. Во всяком случае, ему не полагалось слишком волноваться по поводу разных домашних дел.

Нелишне рассказать о конторе перия дорай и ее работе. Контора была как бы частью бунгало, но вместе с тем она отделялась проходом, которым пользовался только хозяин. Его кабинет выходил в комнату старшего клерка, за которой находилась главная контора.

Это был нервный центр, щит управления, а старший клерк — главный оператор. Он был всегда начеку, вечно в напряженной работе, безжалостный, вместилище всей информации, как бы таблица с цифрами для перия дорай.

Прием у перия дорай бывал раз в две недели и проводился как настоящий «дарбар» (заседание совета).

Его помощники, служащие и старшие кангани созывались для встречи с ним в два приема. Первыми являлись помощники. Служащие и старшие следовали за ними в установленном порядке. Последние, как говорили, подобно туземным вождям, знали тайные заклинания, которые помогали завоевать расположение перия дораи. Они носили талисманы на теле, но вообще считалось, что только старший клерк может повлиять на общую атмосферу и смягчить неблагоприятное впечатление от других.

Обычно дарбар длился не больше часа. За эти шестьдесят минут многие дела, как-то: покупка одеял-накидок для наступающего дождливого сезона, тканей, зерна, а также всевозможные расчеты и контракты доводились до сведения перия дораи. Получив его одобрение, все эти дела передавались на исполнение старшему клерку.

По обычаю раз в полгода перия дораи отправлялся на охоту. Подготовка начиналась за несколько недель. Все было предусмотрено. Все обязанности были распределены, назначались ответственные за каждое дело. И целый караван с припасами, поварами, загонщиками и псарями предшествовал выезду перия дораи, который обычно отправлялся через два дня в компании соседа и со сворой собак. Обняв на дороге мужа, жена перия дораи ворковала: «Желаю удачи! Пока!» Перия дораи махал ей рукой и садился в охотничью коляску.

Пока перия дораи находился в Яле или в джунглях Махавели, охотясь на диких зверей, его жена, преисполненная чувства долга, направлялась в контору и внимательно изучала отчет о работе, составленный служащими. Она тщательно сравнивала все отчеты, выясняя, как шли дела в последнем квартале.

Иногда жена перия дораи предпочитала встречать Новый год в бунгало, а не в местном клубе или в шикарной по тем временам гостинице «Квинс отель» в Канди. Это было целое событие, которое обсуждалось без конца на плантации, и особенно — ее друзьями. Сразу же после рождества каждый уголок в бунгало убирался в соответствии с требованиями момента, когда на смену старому году приходил новый. Корзины и ящики с едой и напитками, а также неизменная индейка доставлялись специальным транспортом. В такие дни жена перия дораи вертелась волчком, давая указания, куда все это разместить.

Накануне Нового года суета в большом бунгало была невообразимая. Кухня превращалась в настоящую фабрику, перерабатывавшую всевозможные продукты и изготавливавшую деликатесы. Ароматы, исходившие из кухни, разносились по всей округе. У хозяйки дома было под рукой несколько молодых помощников перия дораи, готовых выполнить все ее поручения.

В семь часов вечера собирались гости: перия дораи с женами и их помощники также с женами прибывали целыми толпами. Каждому из них хозяйка умела сказать что-нибудь приятное. Подобно воде, стоящей всегда на нужном уровне, перия дораи и их жены составляли особую группу, в то время как их помощники со своими домочадцами, зная свое место, жались в сторонке. Наконец подготовка с помощью прислуги была завершена. Жена перия дораи, словно дирижер, умело руководила всем на зависть своим соседкам. Танцами, едой и выпивкой они проводили старый год. Еды было так много, что не только все наелись до отвала, но и много было выброшено. Напитков тоже было множество и прохладительных, и горячительных. Помощники дораи, придя в самое лучшее настроение, запели веселые песенки «Моя Анни так прелестна» и «Он такой веселый парень». Так пришел Новый год — среди запаха пота и аромата жареной индейки. А один изобретательный помощник дораи ухитрился встретить его лежа на крыше гаража.

Видные люди на плантации, верхушка служащих и старшие кангани имели право принести поздравления и подарки жене перия дораи. У них был свой способ добиться у нее аудиенции. Они приходили особой дорогой к веранде жены перия дораи, чтобы засвидетельствовать ей свое почтение. Рядом с ней, как принц-консорт, молча стоял перия дораи до самого конца этой церемонии.

Перия дораи был на все руки мастер и владел всяким добром. Для успокоения своих нервов он иногда ездил ловить рыбу в тихих водах Нуvara Элии. Когда он отправлялся с женой как будто на рыбную ловлю, старший помощник брал бразды правления в свои руки. Его считали несговорчивым, «трудным орешком» и т. п. Старший клерк и другие служащие старались не попадаться ему на глаза, но он, как поговаривали, «ловил их и жарил на огне без масла». Тогда появлялся перия дораи, как раз вовремя, чтобы спасти их.

Время шло, и положение перия дораи менялось. Он принимал новое назначение в главную контору компании в Коломбо или же переходил на службу в более крупную компанию.

Еще задолго до этого всюду царило напряженное ожидание. К тому же появились страшные предзнаменования: птица, жившая на одиноком дереве на вершине скалы, в неурочный час издала жуткий крик, а собака конюха завyla. Были и другие знамения, которые не предвещали ничего хорошего. Наконец стало известно, что перия дораи покидает плантации в связи с его назначением в главную контору компании в Коломбо. Эта новость потрясла всех. Старший клерк, главный технолог и старшие кангани пришли на работу мрачные. Некоторые проливали слезы в связи с предстоящей разлукой со своим хозяином. Лишь перия дораи был невозмутим.

За неделю до его отъезда на площади перед фабрикой была проведена прощальная церемония. Помощники, служащие и старшие кангани собрались здесь, чтобы выразить благодарность перия дораи за его покровительство. Кульминационным моментом этой торжественной церемонии был солидный адрес, прочитанный и поднесенный старшим клерком. Затем вся группа сфотографировалась. В центре группы находились перия дораи и его жена с цветочными гирляндами на шее.

Перия дораи уехал. Затем прибыл новый. «Король умер! Да здравствует король!»

В конце концов, перия дораи был некоронованным правителем в этом зеленом царстве.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Этот день показался Мутхиа очень коротким — его последний день на чайной фабрике. Уйти с фабрики и никогда больше не возвращаться — нет, это было что-то непостижимое, невозможное. Пятнадцать лет его юности зачеркнуто сразу, одним махом. Даже ручки на дверях сортировочного цеха стерлись от постоянного прикосновения его рук. Он пришел в этот цех, когда ему было всего пятнадцать лет. С тех пор фабрика стала его миром и делом его жизни.

И вот три месяца назад, как раз накануне его паломничества в Мадuru, все вокруг стало действовать ему на нервы. Непрекращающийся грохот колес машины и просеивающие лотки с их монотонным движением угнетали его. Из-за этого работа казалась тяжелой и нескончаемой. Но сегодня он ощущал какой-то странный ритм в общем движении, который соответствовал биению его сердца. Вот уже все женщины и мужчины ушли домой, а Мутхиа задержался, чтобы окинуть все последним взглядом. Сортировочный цех, такой всегда серый и скучный, вдруг показался ему совсем другим. Мутхиа остро почувствовал запах пыли и свежего чая, новыми глазами увидел огромные неподвижные колеса, полные скрытой силы, готовые в любой момент прийти в движение. Пятнадцать лет его жизни прошло под стук просеивающих лотков и грохот колес машины.

«Завтра,— думал он,— другой займет мое место. И вновь в сортировочном цехе будет обычная суета, как будто ничего не случилось. Все будет на своем месте, только меня не будет. Как странно складывается жизнь! В конце концов, любого можно заменить».

С глубокой грустью, как будто он оставлял здесь частицу самого себя, Мутхиа вышел из фабрики на дорогу. Да, вот она, дорога, но без завтра, без будущего. Он смешался с толпой возвращающихся домой рабочих. Бессознательно почувствовал, что потерял ту нить, которая связывала его с этими людьми. Давно знакомая картина утратила для него свой смысл.

Воспоминания проносились перед ним. Он видел тот первый день, когда отправился в Коломбо, чтобы получить разрешение на выезд. Он вспомнил справочный стол в иммиграционном бюро и этого крепыша с бычьей шеей и грозным взглядом, который считал его диким зверем, пойманным в силки. Вспомнил он тоже, как в другой день пошел к этому чиновнику, чтобы продлить свои документы на жительство, а тот разворчался. Другие смертные, которые пришли по своим делам, съежились под его взглядом. Мутхиа протянул свои бумаги и ждал.

— Твои документы нельзя продлить, — прорычал Бычья шея. — Убирайся.

— Сэр,— запинаясь, проговорил Мутхиа,— я только совершил паломничество в Мадuru. Я родился и вырос здесь, на плантации.

— Да,— насмешливо сказал Бычья шея,— каждый

нищий теперь цейлонец, а? Если тебе здесь нечего делать, так отправляйся домой и там валяй дурака.

«Отправляйся домой и валяй дурака,— мысленно повторил Мутхиа.— Что за грубая манера разговаривать? Почему эти чиновники такие недоброжелательные? Даже чиновник по гражданским правам отнесся ко мне враждебно. Он имел наглость спросить меня, была ли моя мать замужем за моим отцом».

Возникли новые воспоминания — его мать, всегда полная любви и нежности; эти темные влажные глаза, грустная улыбка. Невыразимая боль сжала его сердце и охватила его всего. Он отчетливо представил себе день ее смерти. Он тогда выплакал все глаза. Даже умирая, она говорила с ним, как всегда:

— Мутхиа, сын мой, не думай обо мне. Ты молод, не надо так сильно убиваться. Я всегда буду с тобой.— И после паузы:— Береги себя и нашу маленькую Сути. Это твой отец принес ее в дом.

Сути тогда была полным жизни маленьким созданием. Ее шерстка, плотно прилежавшая к гибкому тельцу, вся переливалась. Трудно забыть, как это крошечное существо прижимало уши и махало хвостом, извиваясь всем телом. После смерти матери Сути стала очень близка ему: прощальный подарок матери, маленький живой комочек, оставшийся от умершей.

Теперь, когда Мутхиа должен был покинуть свой дом, дядю и тетю и даже свою собачку, он был в отчаянии — вся его жизнь рушилась. Он решил отдать собаку фабричному сторожу Раману, и тетушка на это не возразила ни слова. Это трудно было пережить.

Когда Мутхиа добрался до дома, там все было готово к его отъезду. Дядя уже был дома. Тетушка сложила все пожитки в матерчатую сумку и убрала ее в угол комнатухи. И в обычные-то дни Мутхиа не отличался разговорчивостью, а теперь он вовсе не мог вымолвить ни слова.

— Мутхиа,— сказал дядя,— я понимаю, это тяжело, тяжело для нас и для тебя. Мы покинули деревню, когда был еще жив твой дедушка. Может быть, ты найдешь там кого-нибудь из дальних родственников. Кто знает? Доверься богу, он единственное прибежище обездоленных. Не забудь документы.

— Да, дядя. Да, дядя,— повторял Мутхиа много раз, как будто эти слова вмещали все, что он хотел выразить в этот момент.

Вот и настало время расставания. Мутхиа взял свою нехитрую поклажу и, подхватив на руки Сути, молча вышел из дома. Пока он проходил по плантации к дому сторожа, рабочие в бараках обсуждали его вынужденный отъезд. Им казалось, будто одного из них отправляли на бойню.

Сути жалась к Мутхиа, иногда терлась носом о его лицо. Она не знала, что они расстанутся навсегда. А Мутхиа задумался, почему от собак не требуют свидетельства о гражданстве? Может быть, у них есть какие-то свои права? Иначе их жизнь тоже была бы в опасности. Он надеялся, что то, что произошло с ним, не случится с Сути.

Мутхиа увидел поджидавшего его Рамана. Времени на разговоры у них не оставалось.

— Я запру ее в той каморке,— сказал Раман, показывая на комнатуху за кухней.— Она скоро привыкнет ко мне. Не беспокойся, я присмотрю за ней.

— Да, хорошо,— сказал Мутхиа, направляясь к двери.

Сути побежала за ним. Он остановился и стал звать ее в комнату. Она съежилась. Он стал ее уговаривать. Она не двигалась и смотрела на него жалобно, как будто ожидала побоев. Он отнес ее в комнату, оставил там и, уходя, закрыл дверь на щеколду. Маленькое существо начало отчаянно царапать дверь и выть. Не говоря ни слова, мужчины торопливо пошли к железнодорожной станции. Был поздний вечер. Жалобный вой Сути доносился издалека и замирал, подобно плачу ребенка ночью. Мутхиа казалось, что эти жалобы исходят как бы из могилы матери.

На станции была обычная вокзальная суета, шум, крики. Мутхиа направился к окошку железнодорожной кассы и купил билет до Тричи. Последний звонок.

— Иди, Мутхиа. Не беспокойся ни о чем,— сказал Раман.

Мутхиа прошел на перрон. Подали поезд. Тут и там мужчины и женщины всхлипывали, а то и плакали прощаясь. Но никто не оплакивал отъезд Мутхиа. Он вошел в купе и сел в углу около молодой женщины. Он был слишком взволнован и не замечал ничего. Поезд дал свисток и тронулся. Раман стоял, опершись на ограду, подпирая рукой подбородок. Мутхиа выглянул в окно и увидел его. Поезд набрал скорость и пошел с мерным постукиванием. Этот стук колес был пыткой

для Мутхиа. Да, вся его жизнь была как бы придатком этой машины, этих колес. В последний раз он взглянул и увидел свет в окнах фабрики. Освещенные фабричные окна, плачущие женщины на станции и вой Сути... Он тяжело вздохнул. Вдруг он увидел, как из тьмы ночи ухмыляется ему Бычья шея из иммиграционного бюро. «Я сказал ему правду, что ездил на паломничество. Сегодня у меня самый длинный в жизни день», — подумал он.

Поезд ускорял ход. Он опять посмотрел в окно и заметил мерцающие звезды. Раньше ему никогда не приходило в голову смотреть на звезды. Но сегодня, сам не зная почему, он загляделся на них. Жалобное поскуливание Сути почудилось ему в свете холодных звезд и проникло в самое сердце. Молодая женщина подвинулась к нему, и он ощутил тепло ее тела. Он взглянул на нее рассеянно... Поезд шел все быстрее. Стук колес... сортировочный цех!

На следующее утро Сути прибежала к своему прежнему дому, мокрая и грязная. Тетушка вскричала:

— Нет, вы посмотрите на эту паршивую собачонку! Она сбежала.

Сути начала тереться о ноги тетушки, когда услышала вновь крик:

— А ну, пошла отсюда, дрянь ты этакая!

Сути подошла к веранде и посмотрела на свой уголок, где было ее место. Теперь там стояла клетка с курами.

— А ну, убирайся, грязнуля! — послышался грубый голос.

Собака улеглась рядом с клеткой. Она ждала Мутхиа. Но он так и не вышел из дома. Она не знала почему.

На следующий день народ с фабрики и плантаций шел домой на обеденный перерыв. Маленькая Сути сидела около дома, глядя на дорогу. Пришел дядя Мутхиа. Она бросилась к нему, обнюхала его ноги и завиляла хвостом. Он молчал, странно взволнованный. Собака жалобно скулила, заглядывая ему в лицо.

День клонился к вечеру. Темнело. Сути сидела по-прежнему около дома, глядя на дорогу.

Старший кангани — важная часть саги о чае. В нем соединялось все, он был той точкой, где все сходилось вместе. Начать с того, что он был правой рукой дораи, руководил всем процессом труда на чайных плантациях, он же был обвинителем, защитником и судьей во всех конфликтах.

Были, конечно, старшие кангани и кангани самые разные, подобно тому как существовали неуклюжие крестьянские лошади и элегантные победители дерби. Они никогда не составляли какой-то класс, они лишь принадлежали к определенному клану. Кангани — большой начальник, в его подчинении находилось свыше тысячи рабочих. Он жил в своем «вигваме», известном как резиденция старшего кангани, со всеми удобствами и атрибутами, положенными большому начальнику. Помещение состояло из залы для приемов с конторой, а также молельни, спален, женской половины, кухни и ванной.

В зале для приемов, окруженный канакапилле³⁰ в белых тюрбанах, кангани в черных пиджаках и старейшими служащими со свисающими усами, старший кангани принимал посетителей, мановением руки приглашая их и отпуская. Поэты и певцы, танцоры и фокусники посвящали ему свои песни и танцы. В те времена, когда газеты были еще редкостью, он хорошо платил им, чтобы они повсюду прославляли его имя.

В холодные вечера, когда он был в подходящем настроении, в назидание подчиненным он вспоминал подвиги былых времен. Это были истории бесконечные, как ряды воловьих упряжек на пыльных дорогах. Во всех этих рассказах дораи был центральной фигурой, а кангани его правой рукой. Он заканчивал с улыбкой: «Это было чудесное время, а дораи — люди суровые, но тверды, как сталь».

Его официальные обязанности были разносторонними и многообразными. Он размещал людей в бараках, раздавал рис, распределял работу, являлся с отчетом к управляющему, обходил плантации, в дни зарплаты получал деньги у дораи и выдавал их рабочим. Он заботился о больных и руководил всеми делами на плантациях.

Он гордился тем, что рабочим не нужно было уходить никуда с территории плантации, они получали здесь все необходимое. Он не допускал, чтобы чужаки обижали его рабочих, и уж ни в коем случае не разрешал забирать без его ведома рабочего в полицейский участок.

Давайте на нескольких примерах посмотрим, как решал он возникавшие житейские проблемы, улаживал конфликты.

Как-то в воскресенье после обеда, вероятно на следующий день после получки, в бараке возникла ссора между Катханом и Мутханом. В то время как перепалка была в разгаре, главный информатор — цирюльник уже рассказал начальнику об инциденте во всех деталях. Он полагал, что обиженный явится с жалобой около 10 часов вечера.

Когда Катхан с его обидой подошел к двери зала для приемов, он увидел, что начальник страшно занят — он как раз отдавал распоряжения своим подчиненным. Он делал язвительные замечания по поводу качества проведенных работ по сбору листа и обрезке кустов. К тому же у начальника было такое каменное лицо, что Катхан, поймав его взгляд, совсем оробел. Когда он собрался уйти, «божество» позвало его:

— Эй ты, иди на кухню, поешь, а потом позови ко мне пандарам, быстро!

Такой оборот дела в общем не разочаровал Катхана. Он пообедал, не торопясь, со вкусом расправляясь с различными блюдами, приготовленными под соусом карри, перебирая мысленно все обидные слова, которые наговорил ему Мутхан. Вкусная еда привела его в хорошее настроение. Затем он пошел за пандарамом. На обратном пути Катхан изложил вкратце суть дела, образно расписав все случившееся в бараке, и умолял пандарам все это рассказать начальнику. Пандарам обещал сделать все возможное. Катхан ушел домой довольный.

На следующей неделе ничего не произошло. Когда Катхан снова пришел в приемную, он застал начальника в хорошем настроении. Тот пригласил Катхана сесть на циновку и приказал слуге принести книгу «Вана васам» — часть «Махабхараты»³¹. Катхану пришлось читать эту книгу нараспев до поздней ночи. Короче говоря, старший кангани не дал возможности Катхану даже рта открыть. Шли недели и месяцы. Время — великий

целитель — сыграло свою роль. На очередном празднике Катхан и Мутхан помирились, забыв о своей ссоре из-за бутылки аррака. Это уже казалось им давно забытым сном.

Именно в этот вечер начальник послал за Катханом и Мутханом. Они вошли друг за другом, почесывая затылки.

— Ну,— громко заговорил начальник,— я слышал, у вас там в бараке была крупная ссора?

— Это давно было, свами,— смиренно пробормотал Мутхан.

— Как же это получается, а? Я сижу на этом проклятом месте, а мне ничего не говорят?

— Я приходил, господин,— смущенно улыбаясь, сказал Катхан.

— Ты приходил! Верно?

— Когда змея жалит другую змею, она не выпускает яд,— заявил другой.

— Змея жалит? Я не хочу никаких сумасбродств в бараках. Вы слышите, дурачье?

Он смотрел на них пристально, злобно усмехаясь. Затем внезапно смягчился:

— Значит, все теперь в порядке? Ну ладно, идите.

Оба удалились, почесывая затылки.

В другой раз, когда Паланианди стащил немного чая на фабрике, об этом сразу доложили дораи. Старший кангани был вызван в контору. Войдя, он увидел, что дораи, весь красный, сидит за столом. Паланианди стоял, дрожа, снаружи, под деревом. Для него это был ужасный день. Все думали, что дораи тут же выгонит его с работы. Вдруг дораи затрясся от негодования.

— Ты свинья, грязная свинья! Как ты смел прикоснуться к нашему чаю? — разразился старший кангани, замахиваясь своей тростью.— Получай, ворюга!

Толстая трость несколько раз поднималась и опускалась на плечи Паланианди, иногда проходя от его головы на какие-то полдюйма.

— Ай, свами! Ай, свами! — кричал Паланианди, пытаясь уклониться от сыплющихся со всех сторон ударов.

Дораи был удовлетворен, но несколько расстроен этой сценой.

— Ради бога, оставь этого человека и зайди сюда, кангани! — позвал управляющий. Кангани вошел в контору, отдуваясь.

— Я не хочу держать вора на нашей плантации, сэр.

— Достаточно и этого наказания. Клерк, скажи тому парню, чтобы убирался,— сказал дорай.

Расправа с Паланианди долго была предметом обсуждения у цирюльника. Действительно, было о чем поговорить. Надо отдать должное старшему кангани — он изобрел такого рода «радиоспектакль» задолго до Би-Би-Си.

В день зарплаты старший кангани шел домой с сумкой, полной хрустящих бумажек и серебряных монет. Его обступили с десяток рабочих, жаждавших получить деньги взаймы. Среди них был и Майанди, известный лодырь. Кангани так посмотрел на него, что тот съежился. Но от Майанди не так легко было отделаться. Правда, ему никак не удавалось поймать взгляд начальника.

Не раз Майанди снова появлялся здесь в нужное время. Наконец однажды старший кангани вынужден был спросить:

— Ты чего здесь ждешь, Майанди?

— Сэр, мне нужны деньги в долг.

Старший кангани сделал вид, будто ничего не слышал, и промолчал. Затем он послал его на огород, чтобы помочь садовнику. Так, в течение многих дней, Майанди работал на огороде.

Как-то начальник позвал его, стал говорить о том о сем и похвалил за хорошую работу на огороде. Наконец Майанди смог вновь повторить свою просьбу:

— Сэр, мне нужно займы сто пятьдесят рупий.

Тогда начальник дал ему записку к кадаи³². По дороге Майанди прочел эту записку — и раз, и два. Он был доволен, что в записке стояла цифра — 150 рупий.

Но торговец дал ему лишь 45 рупий и велел уходить.

— Дай еще двадцать пять рупий,— умолял Майанди.

Наконец после настойчивых просьб ему дали еще 5 рупий и решительно заявили, чтобы он здесь больше не показывался. Кто знает, какое соглашение существовало между старшим кангани и лавочником. К тому же надо учесть, что Майанди никогда не возвращал долги.

Старший кангани был первым, кто объединил рабочих на плантации. Вообще он представлял собой человека, который как бы олицетворял самобытный мир плантаций Шри Ланки.

В соответствии с традициями жрец-пандарам во все времена оставался пандарамом. Наверняка это о нем говорили: «Люди могут приходить и уходить, а пандарам останется всегда неизменным, несмотря ни на какие перемены». Он — зримая связь между богом и человеком. И он знает мысли и чаяния людей настолько, что всегда в нужный момент поступает, как нужно.

А тогда, в те времена, когда старший кангани был всемогущ, пандарам тоже преуспевал под его покровительством. Он был так же близок к нему, как и к божеству в храме.

Пандарам следил, как того требовали религиозные предписания, за чистотой в храме: полировал и подновлял изображения богов и проводил пуджи три раза в день по вторникам и пятницам. Он ухаживал за своим садиком позади храма, срывал цветы и сплетал их в гирлянды для богов. На закате, после вечерней пуджи, он направлялся к старшему кангани.

Если тот был раздражен после неприятного разговора с дораи, пандарам предлагал ему «прасатхам» (святой пепел и цветочные лепестки), специально захваченный для этого с алтаря богини-матери. Это действовало, как бальзам. В другой раз, когда начальник выглядел усталым после дневной работы и склонен был послушать что-нибудь успокоительное, пандарам читал главу из «Истории чудес» с того места, где они остановились в прошлый раз. А если у старшего кангани было настроение посплетничать, к чему наш жрец имел особый дар, то последний натолкнет кангани на нужную тему, а затем уж сам поведет разговор.

— Ты видел Анди в эти дни?

— Это очень трудно, сэр,— говорил пандарам.— Он так занят теперь. Очень вырос для своих лет. Сейчас ему уже все равно, что на плантации есть люди поважнее его. У него появилась своя манера говорить и вести себя. Он совсем не заходит к простым людям, а про старых друзей и вовсе забыл. И разговаривает он только с помощником дораи.

— О, о! Парень уже становится взрослым!

— Все от того, что он заработал кое-какие деньги.

В таком духе и продолжалась беседа. Еще до того как она стала подходить к концу, пандарам получил от

начальника записку к кадаи на доставку ему провизии и тканей.

Если старший кангани или кто-нибудь из членов его семьи заболел, пандарам устраивал особую пуджу и проводил ее с большим усердием, чтобы избавить их всех от действия злых сил Сатурна. Он проявлял большую заботу об их здоровье и делал это так, чтобы все видели и слышали.

Рабочие плантации, конечно, знали, что пандарам был «ушами» начальника, и часто обращались к нему за помощью, чтобы добиться благосклонного отношения к себе в «большом доме». Они, в свою очередь, не оставались в долгу и приносили пандараму свежие овощи и молоко. А молоко, как утверждал пандарам, было необходимо для проведения пуджи.

Теперь, в соответствии с новыми веяниями, пандарам меняет свою тактику. Профсоюзный босс становится современным вариантом старшего кангани на плантации. Поэтому в интересах пандарам установить контакты с новой «силой». Пандарам и его жена в период разногласий между этими двумя ведущими «силами» придерживаются середины. Они не принадлежат ни к какому профсоюзному объединению. Вместе с тем пандарам считает необходимым пояснить возможному лидеру:

— Не беспокойтесь о нашем членстве в профсоюзе, ведь нас только двое. Многие придут к вам по воле божьей, ибо пути богов неисповедимы.

Вечерами, когда молодые люди собираются в храме на репетицию «пуджана» (религиозных песен), пандарам поощряет их. Он хвалит их пение:

— Давно я не слышал такого чудесного пения. Сами видите, совсем не обязательно приглашать к нам хороших певцов из Лондона.

Затем он неожиданно спрашивает о предполагаемом лидере профсоюза:

— А почему Рамиа не пришел на спевку? Ему бы не мешало порепетировать.

Если реакция на его слова положительная, он продолжает:

— Хороший он человек и очень толковый. Он поет и говорит хорошо. Да, кстати, он дал мне вот эту бумагу, чтобы повесить ее в храме. Вероятно, для того, чтобы вы все ее прочитали.

Таким образом, он очень искусно вручает им обра-

шение, призывающее их вступить в профсоюз, организатором которого является Рамиа.

— В наше время обязательно надо быть в профсоюзе, — продолжает пандарам. — Рамиа знает эти вещи лучше всех на плантации. Он хороший человек. Никто еще не сказал дурного слова о нем.

Так наш пандарам в своем собственном смиренном, но неподражаемом стиле дает благословение кампании по вовлечению в профсоюз новых членов. Если большинство присоединяется к Рамиа, пандарам открыто выступает за него и заставляет даже свою жену вступить в профсоюз.

Если надсмотрщик или канакапилле спросят его о том, что происходит на плантации, он скажет:

— Все идет к лучшему, сэр. Молодые и старые — все поддерживают Рамиа. А я — со всеми. Куда ветер дует, туда и я. Я всегда вместе с рабочими плантации.

В день проведения собрания пандарам старается быть полезным. Своими руками он плетет белые цветочные гирлянды для главных лидеров и добывает нужную сумму денег для проведения пудж и закупки прохладительных напитков. Во время каждого мероприятия он настолько активен, стремясь везде успеть, что создается впечатление, будто именно он организовал все это.

Еще до того как Рамиа избран лидером, пандарам называет его «тхалейвар»³³. Этим он дает понять, что боги всецело на его стороне. При случае он скажет большому боссам из штаба профсоюза, что Рамиа — «самый подходящий человек».

В эти дни профсоюзного соперничества значение пандарама и опасность, которой он подвергается, велики. Если пандарам полезен, профсоюз поддерживает его. В противном случае профсоюз может потребовать замены пандарама. Однако до сих пор ни одно профобъединение не могло выдвинуть против пандарама никакое серьезное обвинение. Чиновники же из департамента труда, как правило, считают пандарама «кротким и мягким».

Если же проводится заседание или обсуждаются возникшие проблемы по поводу религиозных дел, пандарам появляется в белоснежном дхоти, с накидкой на плечах, с неизменными полосками на лбу из священного пепла, смешанного с сандаловой пастой. Его тонкие руки сложены в приветствии. Его крайнее смирение уни-

чтожает всякое, даже малейшее подозрение. Любое выступление против этого служителя богов немисливо. Когда обсуждение заканчивается, пандарам удаляется в храм. Он вновь садится скрестив ноги в помещении для молитв и начинает плести цветочные гирлянды, а вместе с ними и новые планы на будущее.

Вероятно, это одна из причин, почему профсоюзные объединения заискивают перед пандарамом. В конце концов, они же понимают, что пандарам — самый близкий к богу человек.

МАНИККАМ

Маниккам был тысячеликим — редкая разновидность человека. Незабываемый характер. Его одежда, манера держаться, красноречивость его замечаний — все свидетельствовало о его мудрости. Этот человек открыл в себе целый мир, и этот мир отражался в его изменчивых настроениях и поведении.

В то время Маниккаму было за тридцать. Невысокий, подвижный, с довольно темной кожей, выносливый от природы, он носил свое дхоти чуть выше лодыжек в знак уважения к старшим. Его рубашка спускалась до колен, подчеркивая его немолодой возраст. Он никогда не застегивал пуговицы на рубашке, показывая этим безразличие к своему внешнему виду. Все же у него на шее на черном шнурке висели пять серебряных бляшек, которые так подходили к его красным от бетеля зубам, а также усам, спускавшимся концами к уголкам рта. Иногда он жевал табак, что способствовало ровному течению его речи.

Маниккам с женой жили в угловой комнате старого барака с окном на улицу. У Маниккама не было привычки совать нос в чужие дела, и он не навещал соседей и друзей, если для этого не было особого повода.

По воскресеньям после обеда он садился на пол на своей веранде и ставил перед собой коробку с бетелем и щипцы для колки орехов арековой пальмы. Это было признаком хорошего настроения, приглашением к веселым шуткам. Он обладал еще тем, что оккультисты называют «аура», или личным магнетизмом. Это-то и притягивало других людей.

Как правило, к нему заходили мужчины его возраста или молодые шалопаи. Как только он начинал раз-

говор, их число быстро увеличивалось, что зависело от характера беседы. Он не любил сплетен, но рассказывал о происходящем на плантации и вне ее. Своим молодым приятелям он говорил:

— На свете не может быть жизни без женщины. Женщины — основа всего. Не думайте, пожалуйста, что я имею в виду ваши личные дела. Такие дела у всех у нас бывают, но думаю, что это позволительно в разумных пределах. Что я имею в виду? Я говорю в широком смысле: женщина — основа всего. Начнем сначала: женщина — это ваша мать; затем девушка, за которой вы ухаживаете; потом появляется жена. Но это еще не все. Следом за ней идет ужасная теща, которая сует нос в ваши дела. А свояченица рассказывает всякие небывлицы вашей жене. Другие женщины тоже не оставляют вас в покое. Вот поэтому я и говорю: цветущая женщина — первопричина всего.

Маниккам сделал паузу для большего эффекта, затем продолжал:

— А теперь обратите внимание на мою жену. Она вся — глаза и уши. Ее язык остр, как лезвие ножа для подрезания кустов чая. Неудивительно, что вам, молодым, нравится смотреть на нее.

— Не пытайся втянуть меня в твою болтовню, — слышался изнутри комнаты вкрадчивый голос.

— Ну, вот, слышали этот голос? Я говорил, что это не ее вина, ведь она создана, чтобы на нее смотрели. Если мне и вам не захочется больше смотреть на женщину, тогда наступит конец света.

Когда его разглагольствования стали очень оживленными, какое-то молодое существо выглянуло из-за перегородки. Маниккам тотчас заметил это. И добавил немного «огонька» в беседу:

— Вы видели: на картинках изображены наши боги с женами. Взять, к примеру, бога Катхиркамама, сидящего на павлине. С одной стороны от него Валлиамаи, а с другой — Тхейванаи. Но есть еще Тропатхи, или Драупади, которая стала женой пяти братьев-принцев из рода Пандавов. Да, все женщины рождаются девственницами, но...

Не закончив фразы, он громко засмеялся. Девушка тут же исчезла в комнате.

Маниккам проявлял и другие склонности, которые глубже раскрывали его характер.

Как-нибудь на неделе после работы он прошмыгнет

в дом старшего кангани — узнать, что происходит в мире. Когда же пора было идти домой, он выбирал кратчайший путь через изгороди и появлялся у своего дома с песней. Его песни, как правило, были сатирическими. Многим песням он придавал свой, маниккамовский, смысл. Если случится кого-нибудь повстречать на пути, он приветствовал его, называя «брат» или «дядя». В эти два слова он вкладывал полдюжины разных смысловых значений, он как бы намекал на известную ему жуткую тайну того или иного знакомого.

Конечно, Маниккам не был очень популярным человеком. Однако он пользовался определенной известностью. Во всяком случае, жизнь без него на плантации была бы слишком однообразной. Его имя было известно и за пределами плантации, так как он защищал слабых и осаживал задир. В те дни, когда власти внушали чувство боязни, он относился к начальству несколько небрежно, что сбивало с толку прочих смертных.

К каждому человеку он подходил с особой меркой, будучи как бы общественным мерилом всего. Он не делал различия между начальниками и подчиненными, старшими и младшими. Побаивался он только одного человека — старшего кангани. К нему он обращался «аппу», искаженное «аппа», что означает «отец». В его присутствии Маниккам подтыкал повыше дхоти, сгибался и склонял свою кудлатую голову в знак смирения. Но все-таки в уголках его губ таилась усмешка, скрываемая обвислыми усами.

Если Маниккам встречал начальника, он отступал в сторону и как бы в позе «почетного караула» пропускал Большого человека. А в «большом доме» Маниккам садился на пол скрестив ноги и говорил односложно. Слово «аппу» употреблял он в знак согласия и возражения, как вопрос и ответ. И он всегда поворачивался в ту сторону, откуда исходили слова начальника.

Короче говоря, начальник имел огромное влияние на этого своеобразного типа. Но в то же время Маниккам сильно влиял на события на плантации.

ОДИН ИЗ МНОГИХ

Согбенный старик-калека сидит на краю дороги. Около него стоит оловянная кружка вместо чаши для подачи и костыль. Перед ним катит свои волны река, поза-

ди — зеленые чайные кусты, раскинувшиеся по холмам. Старик составлял с ними как бы одно целое.

Каково было его прошлое? Как он выглядел в юности? Была ли у него семья, была ли веранда, чтобы дать ему приют на ночь? В любом случае, кажется, прошлое для него не кончилось, а будущее не предвещало ничего хорошего. Он сидел на обочине и был похож на дом, покинутый жильцами и начавший разрушаться.

Наступило полуденное время, душное и суетливое. Люди проходили мимо моего окна, бросая тень в комнату. Одна тень задержалась. Я глянул и увидел старика, стоящего с протянутой рукой. Он не знал жаргона профессиональных нищих. Его молчание было красноречивее всяких слов. Я дал ему пятицентовую монету.

— Дай бог вам здоровья, — благословил меня старик.

Между тем моему примеру последовали другие. Это обрадовало его.

— Желаю вам счастья в жизни, — повторял он, — теперь целых два дня я могу отдыхать.

Эти слова заинтересовали меня. Значит, у него есть дни для нищенства и для отдыха?

После дождливых дней солнце светило особенно ярко. Трудно было устоять, и я вышел на задний двор. Старик сидел там, прислонившись к стене гаража, равнодушно глядя вокруг. Какая-то спокойная суровость читалась на этом морщинистом лице.

Собаки, рыча друг на друга, копались в мусорном ящике неподалеку от него. Банановые листья, в которые завертывалась пища, были разбросаны кругом. Стойкий запах гниющих объедков стоял в воздухе. Кругом роились мухи.

Я часто видел нищих, роющихся в мусорных ящиках, в то время как собаки, в своем инстинктивном уважении к человеку, отходили в сторону. Даже в этом старик представлял исключение. Он держался в стороне со странной улыбкой. Гордость поддерживала его слабое тело.

— Ты ел сегодня? — спросил я.

— Я не испытываю голода, сэр. Я поздно ел сегодня утром.

— Ты с плантации?

— Да, сэр.

— Наверное, у тебя есть родственники?

— Да, сэр. У меня два сына и дочь, есть и внуки.

— Почему же ты не живешь с ними?

Молчание.

— Почему я должен быть им в тягость, сэр? Никогда не был и не буду.

— В таком возрасте у тебя должен быть свой угол, — предположил я.

— Мои сыновья и дочь живут за рекой. Наша плантация — Синна-тхоттам. Днем я хожу по округе, а на ночь возвращаюсь к храму Мариамман.

— И долго ты жил на плантации Синна-тхоттам?

— С самого рождения, сэр. Мой отец заготавливал колышки для посадок чая. Я вырос вместе с чайными кустами на плантации. Я знаю каждый куст, каждое дерево, каждый овраг.

Он сказал это с гордостью.

— Ты получаешь пенсию, наверное.

— Да, сэр. Наш дораи дает мне пятнадцать рупий в месяц.

— А ты не просил о прибавке?

— Просил, сэр. Но дораи сказал, что управление плантации не может дать ее.

— Неужели?

— Да, сэр. Всю жизнь я тяжело трудился на плантации. А до меня еще мой отец работал день и ночь, под жарким солнцем и в дождь. Он там и умер. Никто не отблагодарил его за эти труды, и он обычно говорил: «Благодарность белого человека — это пустой звук».

Он помолчал и затем добавил:

— О, сколько сил я отдал чайной плантации. Они сказали мне, чтобы я честно трудился, и я был честным. А когда пришла старость, они выбросили меня, как шелуху.

— А где твоя жена? Она живет на плантации Синна-тхоттам?

Лицо старика помрачнело. Он помолчал.

— Она умерла, сэр. Если б она была жива, я бы не был нищим.

— Она умерла молодой?

— Нет, сэр. Она умерла в пожилом возрасте. Она была очень хорошей женщиной, сэр, очень сердечной. За всю нашу жизнь у нас не было ни одной ссоры. Она никогда не заглядывалась на других мужчин, а я тоже не имел привычки смотреть на других женщин.

— Значит, вы были счастливой парой?

— Да, сэр.

— Вероятно, она была с тобой в родстве?

— Моя кузина, сэр. Дочь сестры моего отца. Ее звали Пунгаванам. Пунгаванам... — повторил он, закрыв глаза.

Для него это был мучительный разговор. Поэтому я переменял тему:

— Как твое имя, старик?

— Сивасвами, сэр.

— Ну, Сивасвами, а ты не собираешься уехать в Индию?

— А что у меня там, свами? И что я буду делать в чужом краю?

— Так ты будешь жить на Синна-тхоттам до конца своих дней?

— Да, сэр. Мои отец с матерью жили и умерли здесь. Я вырос и женился тоже здесь, и все мои дети родились здесь. Здесь я похоронил жену под чайными кустами. Пунгаванам лежит около участка № 7, где лежат мой отец и мать. А когда я тоже закрою глаза, мои сыновья положат меня рядом с ними. У меня ничего не осталось, ради чего стоило бы жить.

Голос Сивасвами задрожал и прервался. Мне стало грустно. Видимо, такова судьба Сивасвами и многих других. Много таких людей, как Сивасвами, бродят по дорогам. А сколько их еще будет? Да, эти мужчины и женщины рождены, чтобы трудиться.

ПОРА ИСЦЕЛЕНИЯ

Пришел муссон. Дождь лил без перерыва утром, днем и вечером. В воздухе носился запах мокрых листьев и сырой земли. Шум муссона всегда приводил Раджана в возбужденное состояние. Работа в течение длительного времени в отделении профсоюза надоела ему. Ее однообразие было невыносимо.

Раджан выглянул в окно. Небо пасмурное. Гигантское нагромождение облаков виднелось между горами. Мрачная картина. Раздался удар грома, и с новой силой полил дождь.

Наконец кто-то пришел к нему на прием. Голос служащего машинально что-то спросил.

— Из Нью-Вэлли, сэр, — послышался тихий ответ.

Звук этого голоса наводил на мысль о молодом воз-

расте его обладательницы. Раджан подумал, что ей, вероятно, не больше двадцати пяти. Голос был приятным, но в нем чувствовалась какая-то боль.

— Ты принесла письмо вашего руководителя профсоюза? — спросил клерк.

— Я не знала, что это нужно, сэр. Люди на плантации посоветовали идти в профсоюз, и я пришла.

— Нужно было принести письмо, — повторил клерк.

— Я не знала этого, — проговорила она запинаясь, — меня преследуют несчастья.

И теперь уж в этом голосе слышались мука и непреодолимая тоска. Это было похоже на голос, призывающий на помощь из глубин ночи. Раджан позвал клерка:

— Пусть она войдет.

Среднего роста, закутанная с головы до ног в накидку, она вошла. Словно точеное, бледное лицо, правильной формы нос, темные, глубокие глаза, как взбаламученный омут. А в них также боль и молчаливое страдание. Раджан недоумевал. Что могло случиться с такой молодой женщиной? Вероятно, она потеряла мужа? А может быть, другая печаль?

Она пришла в проливной дождь. Вода стекала с ее накидки. Она дрожала в мокрой одежде.

— Сними свою накидку и садись, — сказал он.

И вновь этот печальный взгляд.

— Я не владею правой рукой, сэр. Она обожжена.

Из складок накидки показался забинтованный обрубок. Осторожно она вытянула руку над столом. Бесформенный обрубок, завязанный белой тряпкой. «Должно быть, она осталась без пальцев», — подумал он. Из-под повязки видны были следы глубоких ран. Ледяной холод прошел по его спине. За последние годы ничто так глубоко не трогало его, как изувеченная рука этой женщины.

Дождь пошел сильнее. Ветер стонал в деревьях. Сорванные ветром листья через открытое окно залетали внутрь. Запах сырой земли и эти темные страдальческие глаза!

Раджан не хотел задерживать ее долго. Он попросил ее рассказать, что же с ней случилось. Она коротко сообщила, что ее зовут Парватхи и что она живет с овдовевшей матерью на плантации Нью-Вэлли. Три года назад она вышла замуж за Рамана с соседней плантации. Поскольку у них не было в доме мужчины — главы семьи, ее мать приняла его в дом.

Парватхи и ее муж жили с ее матерью и младшей сестрой. Она запнулась после этих слов, затем успокоилась и продолжала:

— Я была очень больна после неудачных родов. Мать оставила меня в бараке и пошла на работу. Я лежала близко около очага, изможденная и усталая. Мое одеяло загорелось, и мне сильно обожгло руку. Вовремя подоспевшая мать спасла меня. Поскольку я не владею одной рукой, дораи отказался дать мне работу. А моей старой матери очень трудно содержать меня.

— А что же твой муж? — спросил Раджан.

Парватхи опустила голову. Слезы потекли по щекам. Казалось, ее сердце не выдержит сотрясавших ее рыданий.

— Несчастный случай?

— Нет, свами. Он ушел из дома с моей сестрой. Конечно, не его вина. Мы все жили в одной комнате. А известно, огонь и хлопок не могут без последствий находиться рядом. Я молю бога, чтобы им было хорошо. Я только прошу работы, чтобы помочь матери.

Раджан обещал сделать все возможное. Велел идти домой и ждать.

Грустные нотки ее голоса, темные встревоженные глаза и трагическая история ее жизни преследовали его весь день. В ту ночь дождь лил потоками. Раджан укутался поплотнее в одеяло и вдруг вспомнил об искалеченной руке Парватхи, которая была укрыта в складках накидки.

Два года спустя, совершая предвыборную поездку по плантациям, он приехал на избирательный пункт Норвуд. Большая толпа шла по дороге, как на праздник. Из середины толпы вышла Парватхи, с неизменной накидкой на плечах. Лево́й рукой она держала озорную девчушку лет четырех. Узнав Раджана, она подняла руку в приветствии. В ее глазах уже не было того горя и страдания, что два года назад.

— Это твой ребенок? — спросил он, желая узнать, как она живет теперь.

— Это дочь моей сестры, сэ́р. — Затем она поправилась: — Она стала моим ребенком. Мой муж и я очень любим ее.

— Рад слышать это, — задумчиво сказал Раджан. — Ты пришла сюда голосовать?

— Да, сэ́р. Я отдала свой голос за наш сангам.

В выражении лица чувствовалась гордость. Темные

глаза сверкнули. На какое-то мгновение она забыла о ребенке и своей искалеченной руке.

Раджан стоял глубоко взволнованный. Даже искалеченная и безответная, думал он, она нашла в себе силы сохранить человеческое достоинство. Шрамы на ее руке напомнили ему о том, что Парватхи пережила большое горе. Теперь наступило время исцеления.

Дождь кончился. Также и с выборами. Парватхи сидела у очага, удивляясь, почему никто не пришел к ней из сангама, чтобы узнать, проголосовала она или нет. Все было очень буднично, ничто не отвлекало ее от печальных дум. Ничто не согревало ее сердца. Она ощущала запах сырой земли. Ветер жалобно стонал в ветвях деревьев за баракком. Парватхи сидела молча, подавленная однообразным шумом снаружи.

МАНИККАМ ПООЩРЯЕТ ЛЮБОВЬ

Во времена Маниккама любовь на чайных плантациях была табу. Каждый молодой человек, который осмеливался проломить эту стену, воздвигнутую обычаями, бывал осужден панчаятом³⁴. А члены панчаята ни перед чем не останавливались, лишь бы удовлетворить свои садистские наклонности. Они высматривали, подобно ястребам, добычу и набрасывались не только на неосторожную жертву, но и на всю семью виновного. Панчайт выступал за неукоснительное соблюдение традиционных норм жизни, а Маниккам вел себя с членами панчаята, как с равными, иногда же старался смягчить его суровые решения.

Вспомним один эпизод. Рагаван, сын Вира Кумарана из центрального барака, в свои двадцать лет напоминал статую, высеченную из прочного коричневого камня. Говорили, что в его глазах зажигалось пламя любви, когда он смотрел на дядину дочь Парватхи.

Вся плантация, включая Маниккама, ждала «счастливого дня в недалеком будущем». Родители Рагавана считали само собой разумеющимся, что когда-нибудь Парватхи придет в их дом и у них появятся внучата. Но у отца Парватхи, кангани Синна Палани, были другие планы. Он тайно выбрал в женихи молодого помощника канакапилле с соседней плантации. Однажды в воскресенье вечером этот светлоглазый молодой человек был

приглашен в дом Синна Палани. И намерения этого последнего стали совершенно ясны Рагавану и его родственникам.

И в тот роковой вечер, когда Маниккам встретил Рагавана, он намекнул:

— Брат, вокруг бродит белый бык. Береги свою телочку.

Придя домой, Рагаван застал родителей во время бурного разговора.

— Рагаван, чтобы твоей ноги больше не было в доме этого человека, — предостерег его отец.

— Зачем ты так говоришь? Мой сын имеет право ходить в дом моего брата, — возразила мать.

— Замолчи, женщина! Твой брат настоящий головорез. Я проклинаю тот день, когда взял жену из дома его отца.

— Хватит ссориться. Я не пойду больше туда, — сказал Рагаван и отправился к Маниккаму за советом.

На следующее утро Рагавана не оказалось дома. Его мать начала метаться и бессвязно что-то выкрикивать, как будто ее жгло огнем. «О Рагаван! Мой Рагаван!» — кричала она.

— Пусть провалится в преисподнюю, слышишь, женщина! — кричал Вира Кумаран. — Пусть разразит того гром, кто погубил моего сына!

— Ты, великий грешник, не смей его проклинать! — вопила жена.

В это время послышались крики из дома Синна Палани, где обнаружили отсутствие Парватхи. Стало ясно, что молодые люди сбежали.

А Маниккам сел на своей веранде и ликующе запел свою песню. Его торжество разделяла вся молодежь на плантации. Люди собирались по углам, обсуждая случившееся и его причину. В домах Рагавана и Парватхи слышались рыдания и вопли женщин. Видели, как кангани Синна Палани бегал вокруг бараков с ножом для подрезки кустов в руках. Маниккам, который уже не раз весело повторял свою песню, крикнул:

— Ох, кангани! Не торопись на виселицу!

— О, лучше помолчи. Я с ума схожу.

— Да, я знаю, что в последнее время ты совсем сошел с ума. Это я тебе говорю. Иди сейчас же к старшему кангани. На плантации есть панчаят. Помни, что натворила твоя дочь. Вы навлекли позор на нашу плантацию. Не дури и не юли там.

Синна Палани остановился как вкопанный, а затем покорно отправился к старшему кангани.

— Приведи свою дочь и племянника, Синна Палани, — сказал начальник.

Когда пришел отец Рагавана с женой, он сказал:

— Приведите вашу племянницу и сына. Ваша семейная ссора меня не касается, но вы отвечаете за то, что я потерял двух рабочих.

Они ушли домой, как побитые.

Однажды вечером Маниккам вернулся из деревни навеселе и начал распевать свою песенку.

Он пропел ее с ликующими интонациями в голосе. Затем помчался к начальнику домой.

— Ну что, Маниккам? — спросил Большой человек.

— Я их нашел, аппу!

— Кого ты нашел, Маниккам?

— Аппу, они были в деревне Четти Тхоттам. Вечером они будут здесь.

— Ты чертовски ловкий парень. Я знал это.

— А панчат, аппу?

— Не торопись. Дай им всем прежде успокоиться.

Маниккам вернулся на свою веранду и сел в ожидании. В семь часов вечера Рагаван подошел к ступенькам веранды и приветствовал Маниккама.

— Заходи, заходи, брат. Где ты был все это время? Как дела? Эй, там! — позвал он жену. — Приготовь чашку чая, а также побольше молока и сахара для брата. Садись сюда, Рагаван, а я должен пойти сказать несколько слов твоему дяде. Я скоро вернусь.

Но не успел он уйти, как прибежал Синна Палани:

— О, дядя Маниккам, твоя племянница вернулась.

— Очень хорошо. Теперь можно созывать панчат. Твоя семья опозорила плантацию и всех нас.

— О, дядя! Но ведь это дело прошлое. Я достаточно пострадал от своей глупости.

— Не говори так. Вот теперь только и настало время расплачиваться за свою глупость.

— Но бедняжка была предназначена этому грешнику (Рагавану). Все знали, что они должны пожениться. Зачем же он ее увел?

— Э, перестань путать. Ты засматривался на больших людей, а этот бедный парень оказался недостаточно хорош для твоего сахарного леденчика.

— Но теперь мы можем поженить их. Пойдем, дядя, к моей сестре.

— О, я понял. Ты хочешь легко отделаться. Нет, пусть панчаят решит это дело. Доставь мне удовольствие увидеть, как ты сто раз поклонись им в ноги. Ты наденешь черный пиджак и возьмешь с собой зонтик, а? Ты хочешь, чтобы твоим зятем был канакапилле?

— Разве у тебя нет родных сестер, дядя? Или у тебя нет сердца, чтобы так наказывать старого человека?

— А теперь скажи мне, где твой леденчик, который увел этого парня?

— Дома.

— Чудесная история, дядя. Очень забавная. Хватит, забирай своего племянника и веди его к леденчику. Рагаван, иди. Уходите все, чтобы духу вашего здесь больше не было.

Без единого слова Синна Палани повел Рагавана домой.

Через неделю Маниккам вместе с кангани Синна Палани предстал перед начальником.

— Айя, моя дочь и племянник вернулись.

— Ну, Синна Палани, чего же ты хочешь?

— Собрания панчаята, аппу,— сказал Маниккам.

— Свами, моя дочь предназначалась этому парню.

— Тогда почему же они убежали с плантации?

— Аппу, потому что ей не нравится канакапилле. Теперь моя дочь и мой племянник стали мужем и женой,— смиренно предположил Синна Палани.

— А где же тхали, дядя? Давайте посмотрим, есть ли у девушки тхали.

— Ты прав, Маниккам, — сказал начальник. — Так любой парень сбежит с девчонкой, а потом они объявятся как муж и жена. Таким глупостям надо положить конец.

— Вы — наш отец, — умолял Синна Палани. — Сделайте милость, повяжите собственноручно моей дочери тхали.

— Да, аппу. Но молодым людям надо попросить об этом должным образом.

— Дочь моя, Парватхи, — позвал Синна Палани, — и ты, сынок, подойдите сюда и поклонитесь в ноги айи, попросите его благословения.

Из толпы, стоявшей за оградой, вышли двое с открытыми головами.

— Подходите, подходите, мои пташки. Подходи, леденчик! Вы прекрасно провели время и без тхали. А теперь поклонитесь в ноги аппу и попросите тхали.

— Не надо кланяться мне в ноги, маленькие глупышки. Идите к себе в бараки. Мне нелегко будет распустить панчяат. Синна Палани, я хочу, чтобы был порядок на плантации, слышишь?

— Да, свами. Вспомните, свами, ведь еще мой дед пришел к вашему отцу как рабочий по контракту. Не оставьте же меня своей милостью, скажите доброе слово, аяя. Мои родственники ведь никогда не вызывались в панчяат.

— Хорошо, Синна Палани. Когда ты предполагаешь обвенчать их?

— В следующем месяце, аяя.

— Теперь можешь идти, Синна Палани. Маниккам, уведи их.

— Аппу...

— Я сказал — уведи их! — загремел начальник.

— Да, аппу.

Толпа разошлась. Маниккам с фонарем в руке самодовольно возглавил шествие людей, которые стали расходиться по домам. Для такого случая у Маниккама была припасена новая песенка.

ЖЕНСКИЙ ПОРТНОЙ

Контора на плантации. За столом сидит управляющий. Главный клерк стоит позади него. Через открытое окно видно собравшихся рабочих, пришедших с различными жалобами и просьбами. Сатапен, человек средних лет, обращается к управляющему:

— Салам, дорай-калаи.

— Салам! Что тебе надо, Сатапен? Ты пришел опять со своей старой историей?

— Да, сэр. Что же мне делать? Мне нужно кормить три лишних рта. Нехорошо, сэр, держать взрослого парня в бараке без работы.

— Я все это знаю, Сатапен. Я уже говорил тебе, что работы в ближайшие полгода не будет. Эта плантация всего семьсот акров, а рабочих больше тысячи. Сейчас это невозможно.

Главный клерк осторожно заметил:

— В прошлом месяце, сэр, мы уже внесли в список двадцать пять молодых людей — двенадцать из одного профсоюза и тринадцать из другого.

— В том-то и дело, Сатапен. Я не могу ничего сделать на этом проклятом месте. Стоит мне только взять твоего сына, будет целое нашествие из другого профсоюза.

— Никто не посмеет возражать, дорай.

— Э, не говори. Руководитель твоего профобъединения пишет мне сердитые письма. Пусть твой сын поищет работу где-нибудь в другом месте.

— Ох, свами! Он еще не получил гражданства. Он не может получить работу на стороне.

— Он родился здесь, не так ли?

— Да, дорай-калаи.

Клерк вступает в разговор:

— Сэр, сын этого человека, Вираппен, что-то вроде портного в бараках...

— А, женский портной, молодой шалопай, да? — И после паузы: — Помнится, я что-то слышал об этом портном, но что именно? Ты не помнишь, клерк?

— Да, сэр. Вы знаете, сэр, Саннаси приходил сюда с жалобой на Вираппена, который заигрывал с его дочерью Самутхирам, когда та пришла за своей кофточкой.

Управляющий становится строгим:

— Теперь припоминаю. Твой сын сидит в моих бараках и мне же задает работу, Сатапен. Из-за таких вот бездельников я не знаю покоя. Эта адская дыра... Если он еще будет валять дурака и заигрывать с дочерью Саннаси, я выгоню тебя с плантации. Я не посмотрю на то, что ты долго проработал здесь. А сейчас уходи. Кто там следующий?

Когда Сатапен поворачивается к выходу, даже не взглянув на главного клерка, он говорит громко:

— Я никому ничего не сделал плохого. Почему же они затыкают мне рот?!

— Он что-то сказал?

— Да, сэр. Он сказал, что ему затыкают рот.

— Он сказал, что это нечестно?

Барак № 10. У последней комнаты на веранде сидит за своей швейной машиной Вираппен, молодой человек двадцати лет, одетый в полосатый саронг и хорошо выглаженную рубашку, с повязанным вокруг шеи платком. Машина шумит: эр... эр... эр... эррам. Да, каждый свой круг она заканчивает с «эррам». Как будто слышится имя «Самутхирам».

«Что за девушка, — думает он. — Здорово она меня

задела. Половину своего времени она проводит на веранде, делая спортивные упражнения. Но почему?» Он оглядывается и видит Самутхирам, прислонившуюся к двери на веранду, спиной к нему.

«Она — полненькая, — думает он. — Делает вид, что не замечает меня и не слышит шума моей машины».

Мысли Самутхирам также крутятся вокруг машины. «Тоже мне, портной! Типичный бездельник. Тьфу!»

В этот момент выходит мать Вираппена с кувшином воды и выплескивает содержимое на улицу, вызвав целый каскад брызг. Она замечает стоящую там Самутхирам и смачно сплевывает. Как от удара невидимой руки, Самутхирам резко поворачивается и уходит в комнату.

Сатапен и его жена Палание вполголоса беседуют в своей комнате:

— Дорай неплохой человек. А тот клерк все перевернул. Что ты думаешь об этом? Если еще возникнут неприятности из-за дочери Саннаси, сказал дорай, то он прогонит нас с плантации.

— Мой сын не грубиян. Это та девка виновата. Я только что видела ее, слоняющуюся без дела около веранды. Знаю я этих девиц!

— Мы должны подумать о своих делах.

— Ты хочешь сказать, что мой сын ходил в их дом?

Вираппен замедляет ход машины и слушает.

— Ты говоришь, что твой сын ни при чем. Но жалоба, дошедшая до дорай, испортила все дело.

— Виновата во всем эта девка. Она приходит и строит глазки нашему парню.

— Я уже говорил этому никчемному дурню, чтобы он не делал эту никому не нужную работу.

— А какую другую работу ты нашел для него? Тебе нечем похвалиться.

— Женщина, это не тот случай, когда нужно хвалиться. Теперь сам дорай знает, что твой сын валяет дурака в бараках.

— Я знаю одно. Он не хуже других молодых парней на плантации.

— Пожалуйста, перестань кричать, а то ты всех поднимешь на ноги в бараках.

Вираппен тихо закрывает швейную машину и идет в храм, где собираются другие парни, чтобы поболтать вечерком. Здесь он встречает другого портного, Сивалингама. Он рассказывает тому о беседе с профсоюз-

ным деятелем. На каждую тысячу рабочих, говорил тот, приходится сто пятьдесят не зарегистрированных на плантации. В ближайшие несколько лет положение еще ухудшится.

— Тогда что же нам делать? Все мы станем портными, или будем таскать песок для каменщиков, или ничего другого не останется, как работать по воскресеньям за полцены.

— Нам надо отправиться на поиски работы.

— Да, мой друг. Все так и ждут тебя с распростертыми объятиями!

Поздний вечер. Железнодорожная станция. У окна кассы люди ждут билетов. Кангани Паланианди, который находился в то утро в конторе плантации, видит Вираппена:

— Куда направляешься, Вираппен?

Молчание.

— Я знаю, ты покидаешь дом, — говорит кангани Паланианди. — И я знаю причину. Ты хороший парень, и родители у тебя достойные. Это не очень мудрое решение. Вне нашей плантации ты пропадешь. Полиция может схватить тебя как бродягу и посадить в тюрьму, а то и вышлет тебя из страны. А твой отец знает, что ты собрался уезжать?

— Нет, — говорит Вираппен еле слышно.

— Самое лучшее для тебя сейчас — идти домой. Там для тебя самое безопасное место. Не принимай всерьез того, что говорилось о той девушке. Никто не святой. Не опускай глаза. Послушайся совета старого человека и иди домой.

Обстоятельства сложились не в пользу Вираппена. Он проклинал свою судьбу: «На плантации мне нет места и в окружающем мире некуда податься. Что за жизнь!»

Как побитое животное, он идет в темноте обратно к дому отца.

ВСЕГДА НА ВЕРНОМ ПУТИ

Мистер Тхандапани твердо верил в то, что общество должно содержать его, так как без него оно зайдет в тупик. Поэтому он взял на себя задачу организации места отдыха для паломников в Катарагаме. Он наме-

тил несколько преуспевающих старших кангани в провинциях Ува и Центральной в качестве своих поручителей. Их дома служили ему гостиницами, а доля их заработка шла в его строительный фонд.

Он и одевался в соответствии со своей профессией. Даже прическа отвечала его бродячей натуре. Табачного цвета домотканая джиба (длинная рубаха) тоже была под цвет пыли и грязи дорог. А тяжелые сандалии только и могли выдерживать его утомительные путешествия. Все это завершал накинутый на плечи зеленый платок. Маленький жестяной чемоданчик и зонтик дополняли его облик.

Никто ничего не знал ни о его прошлом, ни откуда он пришел. Это была сплошная загадка. У него было особое чутье на то, когда массы паломников хлынут в Катарагаму и на Адамов пик, а также на многолюдные праздники, когда тратилась куча денег.

Однажды во время обеда он появился в резиденции своего любимого старшего кангани. После обычных приветствий старший кангани поинтересовался, не направляется ли он в Катарагаму и как продвигаются его дела с постройкой гостиницы. Мистер Тхандапани ответил, что ему потребуется еще два года для завершения строительства, и предложил пригласить самого агента правительства Индии на церемонию открытия.

— В этом году у меня собрано много песен о Катарагаме. Доход от их продажи пойдет в фонд строительства, — сказал он.

Слуга объявил, что обед готов. Направляясь к столу, Тхандапани заметил, что немного свежего масла не повредило бы. Прислуживавший бой заверил Тхандапани, что все, что ему необходимо — масло, овощи, молоко, горох, суп с перцем и баранина, — уже приготовлено. С явным удовольствием Тхандапани занялся едой. После обеда он вышел на веранду и с наслаждением закурил сигару.

Старший кангани спросил его, не торопится ли он.

— Я немного тороплюсь, но мне не хотелось бы торопить вас, сэр.

— Тогда мы встретимся вечером и послушаем ваши песни.

Хозяин тоже собрался уходить, и мистер Тхандапани сказал ему в виде комплимента:

— Эти белые господа должны платить вам чистым золотом, сэр. Без таких людей, как вы, разве могли бы

они управлять этими обширными плантациями? Когда я смотрю на эти бесконечные зеленые кусты чая, я часто думаю, что сам бог Рама послал вас сюда, чтобы создать этот прекрасный сад, в котором растет золото. Как это чудесно!

Старший кангани был польщен. Он приказал слугам, чтобы они проявили должное внимание к мистеру Тхандапани.

К шести часам вечера он был готов — тщательно причесанный, после ванны, в свежевыстиранном белье. Старший кангани и его гости собрались в приемной зале конторы, чтобы послушать песни мистера Тхандапани. Чрезвычайно торжественно он вынул из потрепанного чемоданчика рукопись, устроился поуютней на софе и запел гортанным голосом. Через некоторое время подали кофе. Медленно, маленькими глотками выпил он кофе и опять начал петь.

Концерт продолжался до самого ужина. После хорошего ужина и ничем не нарушенного сна встал он на следующее утро. На завтрак он поглотил две порции вкусно приготовленной еды, выпил целую чашу кофе с молоком и, получив в подарок 15 рупий, отправился на расположенную в трех милях соседнюю плантацию с таким расчетом, чтобы поспеть там к обеду. Так и текла его жизнь, подобно полноводной реке, до тех пор пока на плантации не появились профсоюзные организации.

1940 год. Теперь боги Катарагамы и Адамова пика сменили свое местопребывание. Он обнаружил их в профсоюзном офисе. Председатель окружного профсоюза находил, что широкие знакомства Тхандапани с нужными людьми на плантациях могут пригодиться. Более того, Тхандапани может послужить и для пропагандистских целей, т. е. где только можно расхваливать профсоюзного вождя. Такой человек необходим идущему в гору лидеру.

В тот день, когда из Коломбо приехал столичный профсоюзный босс, чтобы выступить на большом собрании, мистер Тхандапани сопровождал его. Профсоюзные деятели округа рекомендовали Тхандапани гостю как способного пропагандиста. После шумных приветствий, перед выступлением профсоюзного босса мистер Тхандапани попросил разрешения спеть песню. Его представили присутствующим в качестве известного певца, служащего интересам трудящихся масс. К большому

удивлению местных лидеров и к удовольствию гостя он начал:

Это наш непобедимый профсоюз,
А наш босс — могучий ягуар...

В конце раздались громкие возгласы и аплодисменты. Столичный вождь сидел неподвижно на своем стуле, скрестив руки. Когда возвращались обратно, мистериу Тхандапани предложили постоянное место в отделении профсоюза. С неохотой он согласился поступить на должность разъездного представителя с зарплатой по усмотрению начальства. Он не любил постоянной работы, так как она ему надоедала. То ли дело — сегодня он был в одном округе, завтра — в другом, а для разнообразия можно было совершить «безобидный наезд» к одному из больших лидеров.

Мистер Тхандапани старался по возможности пить утренний чай, завтракать и обедать с главой округа. Если тот запаздывал, мистер Тхандапани не упуская случая поворчать:

— Сэр, если вы действительно хотите служить народу, то должны следить за своим здоровьем. На все — свое время, но пренебрегать едой непозволительно.

По воскресеньям, когда собиралось большое число членов профсоюза, он брал на себя роль советника по всем вопросам. Одним махом он решал три дела сразу.

— Это дело о воровстве, — говорил он, бывало, — сварганил этот мошенник, кангани Паланианди, чтобы уничтожить наш профсоюз. Разве я не знаю этого человека? У него свои люди на плантации, он подделывает счета и обманывает несчастных рабочих.

Повернувшись к клерку, он предлагал: «Позвоните, пожалуйста, в полицию».

Перейдя к другому делу, он говорил:

— Это трудное дело, сэр. Клерк, запишите, пожалуйста, все подробно. Наш председатель займется им сам. Разве есть такое дело, которое бы он не мог распутать?

Младшие служащие в отделении страдали от этой бесконечной болтовни, но что они могли сказать человеку, к словам которого прислушивается сам председатель?

Наконец мистер Тхандапани переходил к последнему делу:

— Что касается этого семейного спора, мы должны поехать на плантацию и решить его на месте. Послушай, Рамиа, мы поедem туда на следующей неделе. Я привезу нашего председателя. А вы оплатите проезд на машине.

Он заканчивал день поездкой на близлежащую плантацию. Вместе с главой окружного профсоюза он направился к своему другу, наиболее почитаемому старшему кангани. Его старый друг был удивлен, увидев этого общественного деятеля, который теперь выступал в роли профсоюзного работника:

— О, ты, значит, в профсоюзе орудуешь?

— Да, сэр. Я всегда иду в ногу со временем.

Он помог ему записать его рабочих в профсоюз и намекнул, что хороший обед послужит к обоюдной пользе. После обеда, когда они собрались уезжать, мистер Тхандапани попросил его извинить и остался еще погостить. Перед тем, как лечь спать, он заверил своего друга старшего кангани, что тот может полностью рассчитывать на него. Нет нужды беспокоиться и непосредственно решать вопросы с рабочими плантаций. Утром мистер Тхандапани, получив подарки и деньги, уехал.

В общем, если профсоюзное движение и затронуло жизнь на плантациях, оно почти не изменило образ жизни мистера Тхандапани. Его жизнь текла, как и прежде, словно полноводная река.

ПЕНСИОНЕР

Пенсионер Кандасвами сидит, прислонившись к стене веранды. Ему уже за шестьдесят. У него смуглое лицо, седоватая бородка и такие же свисающие усы, коренастое сложение. На нем старенькое дхоти, потемневшее от грязи и пыли. Верхняя часть тела прикрыта одеялом, зеленые полосы которого теперь стали совершенно черными.

Для него начинается другая жизнь. Прожитые годы легли на плечи тяжелым грузом. Несмотря на непрерывную болтовню детей и струю воды, бегущую из крана, в его душе полная тишина, которая придавила его к земле. Он сидит прикрыв глаза, наблюдая за бегом детей. Они ничего не значат для него. В конце кон-

цов, что эта новая жизнь для него? Сначала детство, потом тяжелая работа, а там и смерть!

Около десяти часов к нему приблизился Мутхан, уборщик барачных. Обычно он начинал уборку с другого конца барака. Приблизившись к комнате Кандасвами, он спросил:

— Старина, как самочувствие сегодня?

— Как? Не лучше, чем вчера. Даже, наверное, чуть похуже. По ночам беспокоит боль в суставах. Кашель тоже замучил. Хуже всего то, что он мешает другим.

— Перед сном натри грудь скипидаром, а также смажь хорошенько суставы. Это должно помочь. А от кашля я достану что-нибудь у лекаря.

— Да, лекарь — это хорошо! У него есть желтая микстура от всех болезней. В наши молодые годы мы называли ее «сарва сандживи», т. е. панацея. Теперь молодые парни называют это лекарство «горячая вода». Э, брат, да разве мне помогут сейчас лекарства! Старость — вот мой недуг. А от этого нет лекарств.

— Не говори так. Вот у белого человека не бывает старости. Он женится и в семьдесят лет.

— Это зависит от того, какую пищу он ест и как живет. А что я ем? Лишь пустой рис да капусту — утром, в обед и вечером.

— Это правда, — соглашается Мутхан, — но надо есть что-нибудь еще, чтобы поддержать себя.

— А что можно сделать на двенадцать рупий?

В этот момент залаяли собаки у верхних барачных. Собаки, лежащие на грязных лохмотьях в закутке, подхватили их лай и бросились бежать вдоль барачных. Дети на дороге начали кричать нараспев: «Дорай! Дорай! Дорай!».

— Дорай явился в бараки, Мутхан. Продолжай свою работу.

Через некоторое время появился управляющий в сопровождении помощника. Солидный, высокий, хорошо сложенный мужчина. Ему далеко за шестьдесят. Кандасвами вышел из своего угла и приветствовал его:

— Салам, перия дорай.

— Салам, Кандасвами. Стареешь, а?

— Да, дорай. Старею без работы.

— Доктор говорит, что ты не можешь работать.

— Дорай, в этих руках есть еще сила. Пожалуйста, испытайте меня, сэр.

— Это невозможно, Кандасвами. Ты вбил себе в го-

лову или кто-то другой внушил тебе эту дурацкую идею. Пойми, подрастает молодежь. Я должен найти для них работу. Старики вроде тебя должны уступать место молодым.

— Верно, дорай. Но есть и старше меня люди, которые работают.

— Это не так. Я сам проверял.

— Дорай, я работал на вас всю жизнь. Я подрезал кусты, рыл дренажные канавы и разбрасывал удобрения лучше всякого другого. Посмотрите теперь на меня. Посмотрите на мои руки. Прошел почти год, как я оставил работу, а мозоли еще не сошли. Дорай, дайте мне какую-нибудь работу, чтобы я мог жить. Как я могу жить на двенадцать рупий?

— Дочь и сын, которых ты поставил на ноги, должны теперь позаботиться о тебе.

— Дорай, я вырастил их, чтобы они заняли мое место. Да, чтобы они работали на вас. Я не хочу быть для них обузой.

— А ты не можешь поискать работу на стороне, Кандасвами?

— Перия дорай, всю свою жизнь я работал на плантации белого человека. И под конец жизни не хочу никуда уходить.

Кандасвами встал во весь рост. Управляющий и его помощник с уважением посмотрели на него:

— Гордый старый черт! И кровь горячая!

— Да, сэр. Он последний из людей старой закалки.

— Да, я рад. Остался хоть один из настоящих рабочих в этой гнилой дыре. Хорошо, Кандасвами, я напишу в компанию относительно пенсии для тебя и вскоре дам знать.

— Вы — мой дорай. Я работал для вас.

— Да, я знаю. К счастью, в Лондоне есть у меня один знакомый. Я напишу ему и, думаю, получу его согласие.

Управляющий и его помощник продолжали обход.

«Дорай в Лондоне», бормотал Кандасвами, направляясь обратно в свой угол на веранде, где и сел, прислонившись к клетке с курами. Этот разговор с управляющим привел его в некоторое смятение. Все же он чувствовал удовлетворение от того, что наконец-то ему удалось высказаться. Это сняло груз, который давил на него так долго. Но какой смысл в этом? Ему даже не обещали помощи. А ведь управляющий может сделать

все, если захочет. Почему он сказал: «Ты и я, мы работаем для дорай, который находится в Лондоне»? Все эти годы Кандасвами работал на дорай, которого он знал. Но теперь, оказывается, он потратил свою жизнь для какого-то неизвестного человека в Лондоне. Это уж никак не укладывалось в его голове. Его охватило чувство досады и жалости к себе. Но такой человек, как Кандасвами, не должен плакать. Он никогда еще не чувствовал себя таким беспомощным. Мозг отказывался ему служить. Он ощущал пустоту во всем теле. Долгое время он лежал около клетки в состоянии между сном и бодрствованием.

Наконец в шесть часов вечера стали возвращаться с работы женщины с пустыми корзинками для сбора чая. Его дочь и сноха появились на веранде. Дочь спросила, съел ли он свой обед. Он ответил: «Нет».

Женщины сразу же окунулись в домашние дела и начали готовить ужин. Кругом суета. Моется и чистится посуда под краном с водой. Слышны голоса женщин, громко переговаривающихся или зовущих детей. Полуголые мужчины ходят взад и вперед. Куры и собаки тоже возвращаются домой и располагаются в своих углах.

Наступает вечер. Зажигаются огни. В каждой комнате барака становится тепло и уютно, хотя и темно от сажи. Дочь Кандасвами прилаживает джутовые занавески на другую сторону веранды, чтобы защитить его от ветра и дождя. Затем она вешает на стену керосиновую лампу и стелет для него одеяло на клетку с курами. Его сын возвращается с фабрики около восьми часов вечера. Прежде чем зайти в комнату, он заглядывает за джутовые занавески и зовет:

— Отец!

— Почему ты так поздно, сын?

— Последний мешок с чайным листом доставили поздно.

— Хорошо, иди к себе, да поужинай.

Ужин для Кандасвами, как всегда, приносят на веранду. Он ест не спеша, останавливаясь после каждой горсточки риса. После еды он жует бетель. Бараки погружаются в призрачное молчание. Кандасвами укладывается спать. Сильный ветер бьет в джутовые занавески, дождь мерно стучит по крыше. Шум дождя и запах сырой земли волнуют его. Где-то из глубины ночи возникает перед ним прошлое. Он видит себя, каким

был тридцать лет назад: крепким молодым рабочим в шортах цвета хаки, белой рубашке с красным поясом. К часу дня он уже завершал свою работу, успев подрезать 250 чайных кустов, и мчался под навес, где взвешивали чайный лист, чтобы встретиться с женой. Как молодая девушка, весело ждала его прихода Камалам.

— Ты еще не ушла домой?

— Я только что взвесила свой сбор.

— Тогда пойдем скорее, нужно вернуться вовремя.

По пути они говорили так нежно, словно молодожены. Они приходили домой, умывались, потом садились рядышком на низкой скамеечке у очага и ели свою простую пищу. Обычно Кандасвами садился, тесно прижавшись к жене, и они чувствовали, как тепло их тел передается от одного к другому.

Это была жизнь. Они жили, греясь теплом друг друга. А когда появились дети, тогда они ощутили и другую любовь. Странно, но именно Камалам стала главой дома. А он был лишь «отец», который любил выполнять все желания «матери». Всегда по вечерам он был дома и по воскресеньям никуда не ходил. Муж и жена изредка перекидывались словами. «Да» и «нет» — вот и весь их разговор. Ему было достаточно чувствовать тепло ее тела рядом. Это была чудесная жизнь, близость, не нуждавшаяся в словах.

Десять лет назад, когда на плантации началась эпидемия тропической лихорадки, его постигло самое большое несчастье. Сын, а затем и дочь заболели этой страшной лихорадкой. Камалам ухаживала за ними днем и ночью, забывая о еде, без отдыха и сна. Когда же Камалам сама заболела лихорадкой, у нее уже не осталось сил сопротивляться болезни. Среди этих видений, которые ушли в небытие, всплывает лицо Камалам таким, каким он видел его в юности. Кандасвами поворачивается на своем ложе, чтобы отвлечься от грустных мыслей. Это длинная утомительная ночь. Он слышит удары гонга фабричного сторожа — один за другим... 11... 12... 1... 2... Затем звуки исчезают в пустоте ночи. Наконец от усталости слипаются глаза, и он засыпает.

Вот и прошла ночь. Тишина зарождающегося дня нарушена звуками тамтама. Кандасвами вскакивает со своего ложа, но тут же вспоминает, что ему незачем вставать по этому призыву.

Начался новый день. И его мысли вновь обратились к дорай, который живет в Лондоне.

В невыносимом однообразии барачной жизни Маниккама вдруг охватили мрачные предчувствия. Скорее, он понял это каким-то шестым чувством, дарованным ему. В таких случаях он всегда ждал, что случится что-то неприятное. Именно так и получилось.

В воскресенье в 11 часов утра со стороны соседнего барака послышались хриплые причитания старух. Как обычно, Маниккам не бросился сразу туда, а ждал на своей веранде. Он знал, что слух о подобных происшествиях распространяется быстрее, чем можно вообразить. Он видел мужчин и женщин из других барачков, собирающихся у соседнего здания, где возникла суматоха. Из общего гула голосов он расслышал ясно лишь два слова: «Дедушка Муруган! Дедушка Муруган!». «А, он отправился на тот свет!» — пробормотал Маниккам.

Муруган был дряхлым стариком лет семидесяти. Он жил с сыном в выходящей во двор части барака. Уже долгое время ему нездоровилось, и лекарь с плантации снабжал его какими-то цветными микстурами. Поэтому Маниккам не так уж был далек от истины, когда решил, что старик «отошел». Но почему возникла эта неподобающая суматоха, когда к человеку пришла смерть, чтобы избавить от мучительных страданий на краю могилы? Несколько молодых бездельников прибежали к Маниккаму. Они говорили все сразу в крайнем возбуждении:

— Брат, брат, старый Муруган умер, когда ел рис.

— Что за чепуха! Как может пища стать ядом?

— Он подавился.

— Тогда для него пришло время упокоения, а для нас наступит ад.

Да, неожиданная смерть на плантации в те дни, да и теперь, всегда нарушала спокойствие. В ее приходе, как в землетрясении, было что-то мрачное и зловещее. Она потрясла все население плантации. Женщины и дети сидели за закрытыми дверями. Им казалось, что дух умершего бродит поблизости даже днем. Кроме того, они знали, что покойника должны вскрывать. А для всех них это слово означало то же, что резать на части живого человека.

Ожидались и другие неприятности. Целую неделю старики должны были сидеть до поздней ночи, читая

отрывки из священных книг, чтобы держать в отдалении страждущий дух умершего.

Маниккам решил, что нужно любой ценой прекратить весь этот шум и суматоху. Поэтому он уговорил нескольких стариков и плантационного цирюльника сообщить неприятную новость начальнику, мастеру решать подобные дела. Тот принял депутацию, выслушал внимательно каждое слово из подробного рассказа о происшествии и задумался.

— Хорошо, — сказал он, — пришлите ко мне Маниккама немедленно.

Через пятнадцать минут Маниккам уже стал перед начальником со сложенными приветственно руками и склоненной кудлатой головой:

— Аппу, вы звали меня?

— Да. Ты знаешь, что случилось в бараке?

— Да, аппу.

— Что же вы там собираетесь делать?

— Похоронить его, аппу.

— Это не так-то легко! Если вы похороните его теперь, то потом, когда весть о его странной смерти распространится по округе, придется его выкапывать.

— Аппу, тогда пошлите меня к лекарю.

— А что ты ему скажешь, Маниккам?

— Я приведу его сюда, аппу.

— Очень хорошо. Только держи язык за зубами. Я не хочу, чтобы тело старого Муругана осквернили вскрытием. Ты понял?

С благословения начальника Маниккам помчался в амбулаторию плантации. После дневного обхода лекарь сидел в своей комнатке и приготавливал микстуру. Как только тень Маниккама появилась на полу комнаты, лекарь поднял голову:

— Что тебе, Маниккам?

Он ответил не сразу. Стоял и ожесточенно скреб голову.

— Так что же тебе надо, Маниккам?

— Дораи, что за лекарство вы давали моему деду?

— Что, Маниккам? Кто он — твой дед?

— Старый Муруган, аяя.

— Почему это тебя интересует?

— Свами, после принятия этого лекарства его замучила икота и он умер.

— У меня нет времени на шутки. Скажи мне правду.

— Я говорю вам истинную правду, свами. Он стра-

дал от лихорадки, затем начал пить ваше лекарство. Это вызвало икоту. Сэр, скажите, пожалуйста, когда человек становится таким старым, разве нужно ему давать лекарства... Я имею в виду что-то... что приведет к концу... я хотел сказать — остановит...

Маниккам замолчал и поскреб голову. Лекарь понял, куда он клонит:

— Не мели вздора, Маниккам.

Теперь наконец лекарь понял смысл разговоров в бараках и забеспокоился:

— Муруган был очень стар?

— Да, дораи. Семьдесят или больше.

— В семьдесят лет человек должен умирать, Маниккам.

— Но не после приема лекарства, дораи. Мы должны найти выход.

— Ты имеешь в виду вскрытие?

— Да, дораи.

— Маниккам, предоставь это мне. А сейчас я хотел бы пойти взглянуть на старика.

Придя в дом умершего, лекарь увидел тело Муругана на полу, накрытое рваным одеялом. Старухи сидели вокруг и причитали. При виде лекаря сразу прекратились стенания и причитания. После короткого осмотра тела лекарь пошел к старшему кангани.

Начальник поздоровался с медиком совершенно спокойно.

— Я потерял старого Муругана, доктор, — сказал он печально.

Хотя это замечание не выражало ничего, лекарь сообщил, что Муруган умер вскоре после принятия микстуры.

— Старческий возраст, начальник, — убеждал он.

— Но люди говорят, что он еще вчера был здоров и бодр.

— В старческом возрасте смерть может наступить неожиданно. Но у Маниккама на этот счет есть свое, особое мнение, и это плохо.

Старший кангани был застигнут врасплох этим сообщением. Но он подозревал, что Маниккам хитрит, как всегда. А Маниккам стоял в некотором отдалении, глубокомысленно почесывая голову.

— Эй, Маниккам!

— Аппу?

— Что ты сказал дораи?

— Я слышал, что медик дает какие-то лекарства старикам, когда их уже невозможно вылечить.

— Ну и глуп ты, Маниккам! Я думал, что в твоей дурной голове есть хоть капля здравого смысла. Не говори больше подобных вещей.

— Аппу, я только спросил свою жену, не могло ли случиться такое с моим дедом.

— Замолчи! Хватит!

— Аппу...

— Это опасные разговоры, — начал лекарь. — Кто-нибудь пустит дальше этот слух, и у нас будут неприятности.

— Верно, — сказал начальник с деланным спокойствием.

— Но когда человек умирает от старости, так чего же беспокоиться?

— Так мы похороним его, аппу?

— Идите и хороните его. Но чтоб никаких разговоров в бараках, — сказал лекарь.

— Маниккам, помалкивай и делай, что доктор дорай сказал.

Маниккам заторопился в бараки, оставив «больших людей» в разгаре беседы.

— Хорошо, что мы так решили, — заговорил начальник. — Вы правильно сказали, что люди так любят болтать...

— Да, начальник. Вскрывать человека — очень неприятное дело. Из-за ничего все здесь пойдет вверх дном.

— Да, к тому же это отразится на вас и на мне.

— А Маниккам — великий болтун, не правда ли?

— Я за ним присмотрю, — сказал старший кангани.

Лекарь удалился, вполне довольный заверениями, данными ему управляющим.

Печально зазвучали тамтамы перед домом старого Муругана. Под плач, стенания и пение гимнов разукрашенный гроб с покойником отнесли к месту его последнего упокоения — среди чайных кустов.

Вечером, когда старший кангани послал за Маниккамом, тот сидел у огня рядом с женой.

— Послушай, — сказал он посыльному, — скажи аппу, что я не совсем здоров и не смогу прийти. А утром пораньше я буду у него.

— Но ты выглядишь вполне здоровым. Почему бы и не пойти, брат?

— Видишь ли, я немного выпил. Ты скажи, что я болен, а наш начальник все поймет.

Посыльный ушел. Маниккам сидел, улыбаясь сам себе, окрыленный своим успехом. Но секретом этого успеха он не сможет поделиться даже с женой.

НАЙНАППЕН ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Это был старый барак с десятью комнатами в ряд и общей верандой. Покрытая гудроном крыша, стены из выщербленного кирпича и крошечные окошечки — все это выглядело уныло и жалко. Некоторые даже предполагали, что здесь водятся злые духи.

Большинству жильцов далеко за сорок. Наиболее выдающиеся среди них — фабричный сторож, корзинщик и кангани Найнаппен. Кроме сторожа и корзинщика, все остальные уходили на работу рано и возвращались с заходом солнца. Их отношения скорее походили на те, которые складываются среди пассажиров скорого поезда. Они смотрели друг на друга с полным безразличием и отчужденностью.

Корзинщик сидел перед верандой, плел свои корзины и напевал себе под нос старомодный мотив, чтобы не чувствовать отвратительные запахи, идущие от канавы. Он вкладывал всю душу в свое занятие, ибо оно кормило его. На другой стороне улицы храпел до 5 часов дня на своем топчане фабричный сторож. К ночи он оживал. Тогда он стучал в свою колотушку (удукку) и напевал монотонным голосом отрывки из древних сказаний.

Среди этого странного люда выделялся Найнаппен. Жили они с женой уединенно. Ему было под шестьдесят. Он был в неизменном коричневом сюртуке и красном тюрбане, тонкие свисающие усы и дешевые сережки с тусклыми красными камнями дополняли его облик. Белое дхоти, повидавшее много на своем веку, он носил выше лодыжек.

Его жене Каруппае давно было за сорок. Это была высокая, худая женщина сварливого характера, питавшая слабость к красным сари. Найнаппен никогда не участвовал в спорах и ссорах ни дома, ни в поле. Он умел держаться в стороне от всего этого. Если дома возникало какое-то недоразумение, он говорил жене:

«Отстань, бестолковая женщина». И продолжал заниматься своим делом.

Каждое воскресенье Найнаппен работал по контракту. Он приглашал пятерых парней — «только чтобы помогать ему», как он выражался. В 2 часа пополудни он давал каждому пять сухарей и чистой холодной воды из ближайшего ручья. Это и был обед. В 5 часов дня они получали по пять десятицентовых монет, ибо цифру пять он считал счастливой.

Однажды у него гостили дочь с мужем. «Если они останутся еще на два дня, — думал он, — семейный бюджет затрещит по швам». Поэтому он решил привлечь и зятя на воскресную работу по упомянутому выше контракту — «только посмотришь, как там».

Он начал заострять мотыги для прополки. Клал их острием на большой кусок железа и точно рассчитанными движениями отбивал края молотком. При этом его мысли вертелись все время вокруг листьев бетеля в небольшой жестяной коробочке. Прошлым вечером он сжевал только один листик. Оставшиеся двенадцать теперь съжуют, наверное, жена, дочь и зять. Вспомнил и о единственной сигаре, оставшейся от пачки, которую он купил месяц назад. Он берег ее на крайний случай, она могла понадобиться в трудную минуту.

Подошло время идти на плантацию. С подобающим зятю почтением он позвал: «Брат, пойдем поработаем в поле».

Зять согласился, вместе с ними решила идти и дочь. К концу дня Найнаппен пришел в хорошее настроение. В конце концов, почему бы его родственникам и не помочь ему? И что значат какие-то там листики бетеля?

Пообедали они в 6 часов вечера, чтобы сэкономить на ужине. Найнаппен заметил, что сушеная рыба была порезана на неравные куски. «Неэкономно», — подумал он. И по-своему дал понять это жене:

— Слушай, жена, куски рыбы такие большие, что и в рот трудно положить.

Дочь лучше знала отца:

— Мама, разве ты не знаешь, что у отца плохие зубы? Большие куски рыбы положи зятю.

Найнаппен философски размышлял: «Когда чего-нибудь слишком много — тоже нехорошо».

В прошлом месяце, когда Найнаппен покупал продукты, он, выбирая сушеную рыбу, рассматривал ее на свет, прикидывая вес и толщину. Уже тогда он рассчи-

тал, сколько из нее выйдет кусков. Ее хватит на месяц, решил он.

Так кусочками сушеной рыбы Найнаппен измерял время своей жизни и скопил несколько тысяч. У него и в мыслях не было, что таким образом он обворовывает себя и свою жену. Найнаппен принимал все меры предосторожности, чтобы оградить себя от случайностей, которые могли бы отнять у него сбережения. Он ни с кем не водил компании, не ходил на поклонение к святым местам, никогда не ел и не пил у родственников.

На шестидесятом году управление плантации уволило его с работы по возрасту и сообщило, что пенсию он получит уже в порту перед отправкой на родину.

Найнаппен собрал свои пожитки в старенький сундучок и отправился в путь. Никто не провожал его до железнодорожной станции, чтобы пожелать доброго пути. Найнаппен был грустен, жена плакала. И некому было успокоить ее или разделить его печаль. Ведь они прожили в этом бараке на плантации сорок лет, почти всю жизнь. И отъезд стал невыносимым испытанием.

Как-то вечером месяц спустя сюда прибежала с соседней плантации заплаканная дочь. Ударяя себя в грудь, она билась головой о закрытую дверь пустого дома и причитала:

Какие же громы и молнии разрушили этот дом,
о мой отец!

Скажи мне хотя бы одно слово, отец,
В этом покинутом доме...

Да, Найнаппен так и умер там на побережье, вдали от плантации, где он провел всю жизнь.

НОВОЕ ОРУЖИЕ

Он наказал себя и таким образом отомстил обществу за несправедливость, которую оно причинило ему и его товарищам. Методы, которые он применил, имели что-то от морализирования и мученичества, так что могли попасть в заголовки на первых полосах газет или привлечь большие толпы народа к месту происшествия.

Из-за недоброкачественной пищи в тюрьме он объявлял голодовку и таким образом демонстрировал внешнему миру, что борется с антиобщественными явле-

ниями. Если ему недоплачивали за работу, он забирался на верхушку дерева и отказывался спуститься вниз до тех пор, пока сам премьер-министр не явится сюда и не пообещает уладить дело. Если он не был уверен, что чья-то рука или сердце смогут загладить его обиду, то с письмом в кармане он отправлялся на крышу самого высокого здания, бросался оттуда и разбивался насмерть, обличая таким образом испорченность нравов.

Эти формы борьбы мог применять только городской житель. Но его двойник на плантации использовал более тонкое и эффективное оружие.

Рамаи был избранным вождем рабочих на плантации Мидлтон. В его обязанности входило думать об их благополучии и добиваться улучшения жизни. Он хорошо понимал свой долг и стремился сделать все, чтобы покончить со «старым» и ввести «новое».

Время от времени он сообщал управляющему о «самых неотложных нуждах рабочих». Управляющий не принимал срочных мер, как ожидалось. Тогда Рамаи передавал дело в районное отделение своего профсоюза. Там он тоже сталкивался с неприятными отсрочками из-за бумажной волокиты.

Тем временем молодой щеголь с плантации захотел разрешить спор путем прямых действий, что привело к «подозрению в нападении» на канакапилле. Имена полдюжины молодых людей, просто первых попавшихся, были сообщены полиции пострадавшим. Несчастные парни были взяты под стражу, на них завели дело, а потом выпустили под залог. Им было предъявлено обвинение в «угрозах, нападении на человека и незаконных сборищах», а управляющий уволил их с работы еще до решения суда.

По мнению Рамаи, двойное наказание за один и тот же проступок — большая несправедливость. Именно тогда он и решил привлечь внимание к «несправедливости», существующей на плантации. После серьезных размышлений, не уведомив свой комитет и даже не сказав ничего жене, он отказался от услуг плантационного цирюльника.

Первые три недели прошли незамеченными. На четвертую выросла борода. С ее появлением Рамаи стал вести себя иначе. Он никогда не просил поест, а ел лишь тогда, когда ему предлагали. Он больше не грубил жене, не ласкал детей. В доме, где он жил, на

участке, где работал, и в храме, где он проводил собрания, Рамиа имел вид мученика. А его борода росла подобно грозовой туче.

Люди на плантациях заметили это и стали говорить о его бороде. Жена и дети Рамиа начали относиться к нему с невероятной почтительностью. А обстановка в доме стала напряженной.

— Наш профсоюзный деятель не сбреет бороду до тех пор, пока мы не добьемся справедливости, — говорили молодые люди, которых уволили с работы.

Эти новости дошли, наконец, до ушей управляющего.

Однажды в рабочий день, когда Рамиа зашел в контору плантации, управляющий хмуро спросил:

— Итак, Рамиа, ты хочешь со мной вести борьбу?

— Нет, айя. Как я могу бороться с дораи?

— Тогда почему ты отращиваешь бороду?

Наступило тягостное молчание.

— Очень хорошо, — сказал дораи, — ты можешь выступить против меня. Мне наплевать на твою бороду. С сегодняшнего дня я не буду глядеть на твое лицо.

Управляющий с грохотом захлопнул окно конторы, так что разговор окончился. Рамиа пошел домой в приподнятом настроении.

Слух об этом происшествии распространился, как лесной пожар. Молодые сборщицы чайного листа оживленно обменивались мнениями о бороде Рамиа. А если поблизости проходила его жена, они замолкали и сочувственно смотрели ей вслед. Однако дети на плантации, как и везде, относились равнодушно к заслуженным людям. Когда проходил Рамиа, они кричали: «Птичье гнездо! Птичье гнездо!»

Дело в суде затягивалось, отрастала и борода Рамиа. Тем временем заместитель начальника департамента труда созвал совещание, чтобы изучить возможности разрешения конфликта. Он заметил у Рамиа бороду и спросил у представителя профсоюза:

— Что, рабочим еще нравятся бороды?

— Сэр, — ответил юрист плантационной компании, — это вызов моему клиенту. Этот человек объявил всем на плантации, что не сбреет бороду до тех пор, пока не выиграет дело.

— А если он не выиграет дело? — прервал заместитель начальника департамента труда.

— В том-то и загвоздка, сэр, — сказал представитель профсоюза. — Это не вызов, это моральный протест. Не-

зависимо от того, будет выиграно дело или нет, в конце концов он все равно сбреет бороду.

— А, понятно. Это называется «оказывать моральное давление».

— Но это раздражает, сэр, — добавил юрист.

— Раздражает? Вы хотите сказать, что рабочий не имеет права носить бороду? Когда Рамиа зашел к управляющему, тот захлопнул окно перед самым его носом.

— Что мы можем сделать, сэр? Вся плантация знает, что этот хитрец отращивает бороду, чтобы досадить нам, — сказал юрист. — Скверное оружие!

— Нет, сэр, — возразил представитель профсоюза. — Наши друзья здесь не придают этому большого значения, хотя такая форма протеста привлекает внимание к скверным делам, которые творятся на плантации.

— Вы можете доказать это? — загремел управляющий.

— Конечно. Поэтому мы здесь.

— Чего же вы ждали все это время?

— Мы не ждали. Когда Рамиа пришел к вам в контору...

— Рамиа пришел в контору, чтобы продемонстрировать свою бороду, — сказал юрист.

— Рабочий даже не может отрастить себе бороду! Куда же идет эта страна?

— Вот именно, сэр, — поддержал его юрист. — Наступили времена, когда управляющему и дышать нельзя. Только он вздохнет, профсоюзный лидер тотчас отращивает бороду и объявляет всем рабочим, что он не сбреет ее до тех пор, пока дораи не перестанет дышать. А вы, джентльмены, называете это производственным конфликтом. Что за порядки!

После часовой дискуссии совещание закончилось, так и не приняв никакого решения.

Рамиа пошел домой довольный, что его борода сыграла такую роль, которую не могли бы сыграть и сотни речей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Провинция Ува расположена в юго-восточной части страны.

² Районы Шри Ланки, где проживает основная масса ланкийских тамиллов.

³ Катарагама — известное место паломничества для индусов и буддистов на юге Шри Ланки. Там находится храм, посвященный грозному и жестокому богу Катарагаме.

⁴ У тамиллов, проживающих в Шри Ланке, большую роль играет культ богинь-матерей. Почти в каждой деревне есть своя мать-покровительница, или амман. Они известны под многими местными названиями: Мариамман, Калиамман, Муттимариамман и др.

⁵ А р р а к — водка, приготовленная из тодди — слегка перебродившего сока кокосовой пальмы.

⁶ Ароматические палочки делаются из сандалового дерева и покрываются составом, приготовленным из индийских трав.

⁷ П а н д а р а м — священнослужитель, астролог.

⁸ К а н г а н и — надсмотрщики на чайных плантациях. Старший кангани осуществляет также функции бригадира, распорядителя всех работ. Он же выдает заработную плату.

⁹ В Шри Ланке, как и в соседней Индии, стиркой белья занимаются прачки-мужчины — дхоби, которые являются непременными участниками ряда ритуальных церемоний.

¹⁰ Составные части жвачки из бетеля, широко распространенной среди населения острова.

¹¹ Т е а т р «к о л а м» — одна из наиболее древних форм ланкийского народного театра.

¹² Ганеша — один из богов индуистского пантеона. Изображается в виде толстого человека с головой слона. Почитается как покровитель торговли, наук и искусств.

¹³ Арунтхатхи — утренняя звезда, олицетворяющая собой образец супружеской верности.

¹⁴ Д о р а и — зд. начальник.

¹⁵ П о н г а л — индуистский праздник урожая, отмечается 14 января.

¹⁶ Д и п а в а л и (дывали) — индуистский праздник огней, отмечается в октябре — ноябре.

¹⁷ П у р а н ы — древнеиндийские сказания.

¹⁸ Старший кангани руководил группой от 25 до 100 завербованных рабочих. Он отвечал перед управляющим плантацией за все производимые работы.

¹⁹ М а л ь д и в с к а я р ы б а — особым способом вяленая рыба на Мальдивских островах. Ввозится в больших количествах в Шри Ланку.

²⁰ Шри Пада — сингальское название Адамова пика, места поклонения верующих различных религий.

²¹ Сарасвати — индуистская богиня мудрости и искусства.

²² А с у р ы — существа, нередко противопоставляемые в индуистской мифологии богам.

²³ М а р г о з а — дерево, цветущее ранней весной. Почитается как дерево — охранитель царей династии Пандья.

²⁴ Парвати — жена бога Шивы.

²⁵ Э с а л а п е р а х е р а — праздник в честь главной буддийской реликвии Шри Ланки — Зуба Будды, отмечается в июле — августе.

²⁶ А д и в э л — индуистский праздник, посвящен богу Субраманье, отмечается в июле — августе.

²⁷ В течение длительного времени рабочий даже по окончании контракта не мог покинуть плантацию, если за ним числились долги конгани-вербовщику. Старшему кангани и управляющему плантацией принадлежало право решать вопрос о продлении контракта или о выдаче рабочему разрешения перейти на работу к другому плантатору, если тот соглашался выплатить долги рабочего прежнему хозяину. Документ на это, как и сама система, назывался «тунду», этим фактически закреплялась полукрепостная зависимость плантационного рабочего.

²⁸ Чтобы уменьшить расходы по найму и доставке рабочей силы из Индии, было создано в 1904 г. Цейлонское береговое агентство, взявшее под свой контроль миграцию рабочих. Агентство также оформляло документы на въезд и выезд, выдавало подъемные и пенсионные деньги.

²⁹ С в а м и — уважительное обращение.

³⁰ К а н а к а п л л е — писарь, счетовод.

³¹ «Махабхарата» — древнеиндийский эпос (VI—II вв. до н. э.). Повествует о легендарной борьбе двух царских династий — Каурвов и Пандавов.

³² К а д а и — лавочник.

³³ Т х а л е й в а р — лидер, руководитель.

³⁴ П а н ч а я т — орган местного самоуправления в странах Южной Азии.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Шри Ланка — сравнительно небольшая по размерам занимаемой ею территории и численности населения островная страна, известная до 1972 г. под официальным названием Цейлон. Покрытые пышной изумрудно-зеленой растительностью равнины, переходящие в центральных районах в горы, голубизна морских лагун, водохранилища, реки и водопады и надо всем этим — рыхлые белые облака, сквозь которые обильно льет свет яркое тропическое солнце, — вот она, Шри Ланка, такая, какой видит ее путешественник, впервые ступивший на землю этой страны. Очарованный дивной природой острова, Антон Павлович Чехов, посетивший Шри Ланку в 1890 г., назвал ее «земным раем», а несколько позже великий индийский поэт и философ Рабиндранат Тагор в одном из своих стихотворений упоминает о ней как о «жемчужине в Индийском океане».

Но изумительная природа острова — только фон, на котором протекает жизнь ланкийского народа, трудолюбивого, почти полностью грамотного и стремящегося к переустройству общества на новых, демократических основах, отличных от тех, которые достались этой стране в наследство от колониального прошлого.

Ланкийский народ неоднороден по своему этническому составу. Основную массу населения — свыше 70% — образуют сингалы, появившиеся на острове в VI или V в. до н. э. Далее следуют тамилы, составляющие около 20% общей численности ланкийского населения и, в свою очередь, делящиеся на две основные группы. Одну из них образуют так называемые ланкийские тамилы, предки которых обосновались в Шри Ланке еще в I тысячелетии до н. э. и которые населяют в основном северные и северо-восточные районы страны. Вторая же группа представлена индийскими тамилами — как правило, потомками индийских рабочих, которые занимались предпринимателями для работы на плантациях, расположенных преимущественно в предгорьях и в горных районах Шри Ланки.

Индийские тамилы составляли и до сих пор составляют основной контингент рабочих плантаций, дающих натуральный каучук, продукты кокосовой пальмы и, главное, знаменитый во всем мире ланкийский, или цейлонский, чай. В течение многих десятилетий, начиная с 20-х годов прошлого века, когда в Шри Ланку были доставлены первые партии завербованных в Индии рабочих, индийские тамилы были объектом жесточайшей эксплуатации английского и национального (ланкийского) капитала, и только после аграрных реформ 1972 и особенно 1975 г. в результате которых все плантации площадью свыше 20 га были национализированы, положение их изменилось к лучшему, хотя и поныне они относятся к группам населения с самым низким уровнем дохода.

Создавая плантаторам несметные богатства, сами они оставались безвестными тружениками, тяжелая судьба которых мало кого волновала. Живя на территории плантаций в течение довольно длительного времени фактически в изоляции от окружающего сингапурского населения, они сохраняли свою самобытную культуру, принесенную ими из Индии, и жили своим собственным укладом, резко отличавшимся от образа жизни остального населения Шри Ланки. Они придерживались своих обычаев и представляли собой пролетариат еще в то время, когда в остальных областях острова, в сущности, не было рабочего класса. Однако еще очень долго индийские тамилы стояли в стороне от политической и экономической борьбы, и только с 20-х годов нашего столетия они стали все шире вовлекаться в рабочее движение и вместе с остальными отрядами рабочего класса Шри Ланки участвовать в политической жизни страны.

Предлагаемая вниманию читателей книга Кумарана Велупиллаи, ланкийского журналиста, одного из индийских тамиллов, знакомит с жизнью этой этнической группы на различных этапах исторического развития Шри Ланки — и в колониальную эпоху, и в период независимости, наступивший в 1948 г., когда ланкийский народ сбросил иго английских колонизаторов. Хорошо знакомый с особенностями труда и быта плантационных рабочих, он в серии ярких очерков и рассказов поведал о тех сторонах жизни индийских тамиллов, которые не могли попасть в поле зрения постороннего наблюдателя и поэтому оставались неизвестными значительной части населения даже самой Шри Ланки, пока не была опубликована эта книга.

Перевод книги осуществлен Ильей Васильевичем Сучковым, советским журналистом, который в период работы в стране неоднократно бывал на ланкийских плантациях и встречался с индийскими тамиллами. Увидев на прилавке одного из книжных магазинов Шри Ланки книгу К. Велупиллаи и прочитав ее, он загорелся желанием познакомить с нею советских читателей. И книга заслуживает этого. Живо написанная, энергично ведущая читателя от одного эпизода к другому, книга представит интерес не только для широкой читательской аудитории, всегда с неизменным интересом встречающей каждую новую публикацию о Востоке, но и для специалистов-востоковедов самых различных профилей, поскольку содержит богатый фактический материал, оригинальный по своему характеру и нигде более не встречающийся.

Ю. Н. Маслов

СОДЕРЖАНИЕ

Человек родился	3
Золотые сережки	6
Джанаки подросла	9
Приятные новости	13
Алагесан женится	16
Когда приходит смерть	21
Сага о чае	26
Народный театр	35
Их боги	39
Жилище и няня	43
Перня доран	46
Человек без гражданства	54
Старший кангани	59
Пандарам	63
Маниккам	66
Один из многих	68
Пора исцеления	71
Маниккам поощряет любовь	74
Женский портной	78
Всегда на верном пути	81
Пенсионер	85
Маниккам находит выход	90
Найнаппен отправляется на побережье	94
Новое оружие	96
И. В. Сучков. Примечания	100
Ю. Н. Маслов. Послесловие	102

Кумаран Велупиллаи люди ЗЕЛЕННОГО ЦАРСТВА

*Утверждено к печати
Редакцией серии «Рассказы о странах Востока»*

Редактор **О. М. Гармсен**. Младший редактор **М. В. Малькова**. Технический редактор **В. П. Стуковнина**. Художественный редактор **Э. Л. Эрман**. Художник **Л. С. Эрман**. Корректор **Л. И. Фарберова**

ИБ № 14974

Сдано в набор 16 01 84 Подписано к печати 18 07 84. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2 Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. п л. 5,46 Усл. кр-отт 6,09. Уч.-изд. л 5,84. Тираж 30 000 экз.
Изд. № 5307. Зак № 106. Цена 55 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва К-31, ул. Жданова, 12/1.

ПО «Чертановская типография» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Мосгорисполкома, Москва, Варшавское шоссе, д 129а

55 к.